

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

О КАНПАНИИ 1863 ГОДА ПРОТИВЪ ПОЛЬСКИХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ.

(Продолженіе.)

XI (*).

Въ ноябрѣ 1863 года, съ наступленіемъ глубокой осени, начались пасмурные, дождливые дни и темныя ночи. Утренники стояли такіе холодные, что на окрестныхъ высотахъ трава покрывалась инеемъ и въ мѣстахъ, занимаемыхъ пикетами, пришлось устраивать навѣсы для укрытія людей и лошадей отъ непогоды.

Трудное время переживали тогда инсургенты, лишенные пристанища и вынужденные встрѣчать суровую непогоду въ глухихъ, едва проходимыхъ дебряхъ. Тамъ, большею частью, жили они подъ открытымъ небомъ, спали на голой землѣ и навсегда имѣли возможность разложить даже бивуачный костеръ, потому что обнаженные отъ листвы деревья перестали служить имъ надежнымъ укрытіемъ.

Одинадцатый мѣсяць дѣлится инсurreкція; много неzasлуженныхъ упрековъ и обвиненій пало на насъ въ послѣднее время. Главнокомандующій, недовольный медленнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій, предписалъ, во чтобы то ни стало, подавить возстаніе въ теченіе одного мѣсяца, но исполнить это приказаніе было невозможно до тѣхъ поръ, пока существовали тѣ самыя причины, которыя препятствовала намъ подавить возстаніе при самомъ его началѣ. А причинами были дремучіе лѣса, сплошными массами покрывающіе Радомскую губернію на цѣлыя сотни квадратныхъ верстъ, отсутствіе въ мѣсяцъ опорныхъ пунктовъ, недостатокъ войскъ, немнѣніе вѣрныхъ лазутчи-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 8—11, 1868 г., №№ 3, 11—12 и 1869 г., №№ 6—7.

ковъ, неблагонадежность административныхъ властей, явно и тайно продолжавшихъ поддерживать мятежниковъ.

Несмотря на то, что средства края, съ каждымъ днемъ, видимо истощались и многіе помѣщики отказывались кормить проходившія шайки, не взирая на требованія и даже угрозы жандармовъ—вѣшателей, инсургенты дѣятельно готовились къ зимней кампаніи, рассчитывая на нравственную поддержку западныхъ державъ, некупившихся тогда на обѣщанія (*).

Послѣ того, какъ баронъ Тауба возвратился изъ экспедиціи, не успѣвъ проникнуть въ Хробжинскій лѣсъ (**), дороги между Пинчовымъ и Бускомъ наполнились конными партіями, которыя перервали всѣ сообщенія, такъ что почты почти перестали доходить до Сташова. 5-го ноября, полковникъ Звѣрвъ писалъ генералу Ченгери, что, въ продолженіе цѣлой недѣли, онъ не получалъ ни одного пакета и не знаетъ что дѣлается въ Радомѣ и въ Кѣльцахъ.

Въ Кѣльцы лазутчики являлись почти ежедневно. Всѣ они говорили о большихъ сборахъ въ Гроховискомъ лѣсу (**); по показаніямъ лазутчиковъ надо было принимать съ крайнею осмотрительностью, потому что большая часть доставляемыхъ ими свѣдѣній были претворены и преувеличены. Люди злонамѣренныя пользовались этимъ, чтобы держать войска въ постоянной тревогѣ.

Изъ многихъ предположеній у насъ по этому поводу, генералъ Ченгери остановился на томъ, что инсургенты не будутъ держаться въ значительныхъ силахъ ни около Сташова, ни около Кѣлецъ, и что появленіе конныхъ партій въ Стопницкомъ уѣздѣ—одна демонстрація, посредствомъ которой думали отвлечь наше вниманіе отъ другихъ, болѣе важныхъ и удобныхъ пунктовъ. Такими пунктами, по соображеніямъ генерала, представлялись Гутскіе, Цысовскіе и Щечинскіе лѣса, лежашіе къ востоку отъ Кѣлецъ и памятные на-

(*) До какой степени настроено было воображеніе жителей на иеземную помощь, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее курьезное происшествіе: разъ, въ одномъ довольно большомъ мѣстечкѣ, на границѣ Радомской и Люблинской губерній, распространился слухъ, что въ послѣднюю изъ нихъ вступило австрійское войско и двигается отъ Устилуга къ Люблину. Вѣсточкия говорили объ этомъ такъ положительно, что нѣкоторыя власти сочли необходимымъ провѣрить слухъ на мѣстѣ, и что-же оказалось? Въ Устилугъ прибыли кавалерійскіе резервы, и такъ какъ въ числѣ ихъ были драгуны, носившіе каски (дѣйствующіе эскадроны носили кепи), то жители, отвыкшіе отъ вида этого головного убора, приняли ихъ за австрійцевъ, а еврейскій телеграфъ равнѣсь новость по всѣмъ угламъ Царства Польскаго.

(**) Это было 25 октября, послѣ кавалерійскаго дѣла подъ Другнемъ.

(***) Лѣсъ этотъ памятенъ по кровопролитной стычкѣ съ Лангевичемъ и по геройской смерти въ немъ храбраго капитана Керанова.

нимъ войскамъ со времени октябрьскихъ экспедицій. Небольшія партии, ходившія туда на развѣдки, дѣйствительно, открыли въ нихъ присутствіе шаекъ. Казаки перехватили даже письменный приказъ одного изъ польскихъ начальниковъ, который предписывала капитанамъ Хржановскому, Тыльману и поручику Пржебыльскому произвести, каждому съ своею «компаніей», домашнее ученье въ расположеніи своихъ квартиръ, а потомъ, около четырехъ часовъ послудни, въ извѣстный день (*), собраться на смотръ главнаго начальника, между Виделками и Старою-Гутою.

Этого указація было достаточно, чтобы генералъ Ченгери, представивъ наблюденіе за гроховскимъ скопищемъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Мѣхара, Стопницы и Прошеваць, самъ въ намѣрѣннѣе произвести осмотръ Цысовскаго лѣса. Назначена была келона изъ четырехъ ротъ Смоленскаго полка, лейбъ-эскадрона новороссійскихъ драгуновъ и двадцати казаковъ, которая, подъ начальствомъ полковника Шульмана, выступила изъ города въ ночь съ 7-го на 8-е ноября.

Пока пѣхота, раздѣлившись поротно, осматривала лѣсъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ его (**), драгуны, державшіеся ближе къ окраинамъ, перехватили поводъ съ 80 полубубками и узнали, что конная банда, въ числѣ 150 человекъ, ночуетъ въ Стройновѣ. Конница эта, уже участвовавшая съ нами въ дѣлѣ подъ Другнею, находилась, за отсутствіемъ Хмѣлинскаго и Боссава, подъ начальствомъ Ржепецкаго, которому было приказано уклоняться отъ боя во всякомъ случаѣ, даже если бы русскіе атаковали его меньшими силами. Это заставило подполковника Загряжскаго поторопиться нападениемъ. Съ разсвѣтомъ, 12-го ноября, заводъ, подъ командою капитана Рута, былъ посланъ карьеромъ, чтобы схватить пикеты и задержать отступленіе мятежниковъ.... Было около восьми часовъ утра, когда непріятельскіе развѣды, очертя голову, приехали въ лагерь объявить объ этомъ Ржепецкому, а за ними по пятамъ мчались драгуны. Ржепецкій приказалъ отступать, но, какъ всегда бываетъ съ людьми слабохарактерными, тотчасъ переѣнилъ рѣшеніе: ему показалось,

(*) Числа въ этой запискѣ обозначено не было, но такъ какъ «компанія» соответствовала ротѣ, то приблизительно силы инсургентовъ можно было опредѣлять въ 200 человекъ, или нѣсколько болѣе.

(**) Во время этихъ поисковъ, 9-я рота Смоленскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Акамова, 11-го ноября наткнулась, близъ д. Вульки (верстахъ въ четырехъ отъ Цысова), на пѣшую шайку, состоявшую изъ ста человекъ галлицкихъ выходцевъ и, разсѣявъ ее, захватила трехъ пленныхъ и 24 штуцера. Потери въ ротѣ не было.

что уклоняться отъ боя было и бесполезно, и неблагоприятно; поэтому онъ велѣлъ очистить деревню, выстроилъ инсургентовъ на небольшой полянѣ, тыломъ къ лѣсу, и въ такомъ положеніи смѣло приготовился къ отпору.

Драгуны не заставили ожидать себя долго. Какъ только подошла остальная часть эскадрона, Загряжскій прошелъ черезъ деревню и во весь опоръ бросился на непріятеля.... По воронымъ лошадямъ повстанцы увидѣли ясно, что это былъ эскадронъ, оставившій по себѣ въ рядахъ ихъ кровавую память послѣ стычекъ подъ Сицыминовъ, Ставами и Другнею. Банда заколебалась. Напрасно Ржепецкій, думая увлечь ее своимъ примѣромъ, бросился въ атаку; мятежники дали тылъ, и въ беспорядкѣ, перетоня другъ друга, помчались къ лѣсу. Драгуны, врѣзавшіеся въ ряды ихъ, топтали, кололи и рубили бѣгущихъ.

Между тѣмъ, головная часть непріятеля, достигнувъ опушки, пропустила мимо себя скакавшую банду и, повернувъ назадъ, внезапно открыла по эскадрону бѣглый огонь; стрѣляли почти въ упоръ; поэтому подполковникъ Загряжскій, не теряя ни минуты, смандовалъ «въ шапки!» и драгуны, готовые уже спѣшиться, верхомъ вскочили въ лѣсъ на плечахъ непріятеля. Отсюда началась бѣшеная скачка безъ дорогъ, черезъ болота, овраги, пни и срубленные деревья. Повсюду, куда скакали инсургенты, гнались за ними драгуны и устилали путь кровавыми жертвами.

Преслѣдованіе, продолжавшееся полнымъ карьеромъ болѣе чѣмъ на двѣнадцать верстъ, стоило непріятелю до 50 человекъ убитыми и ранеными; въ плѣнъ было взято три человека; отбито 35 лошадей и много оружія. Самъ Ржепецкій ушелъ, благодаря быстротѣ своего коня, но, спустя нѣкоторое время, былъ пойманъ казачьими разъѣздами около Чепстохова (*).

Эскадронъ потерялъ трехъ человекъ ранеными и семь лошадей.

По окончаніи боя, драгуны уничтожили въ окрестныхъ деревняхъ всѣ продовольственные запасы мятежниковъ и, захвативъ съ собою шесть воловъ, благополучно возвратились въ Кѣльцы, предоставивъ нѣхотѣ дальнѣйшій осмотръ лѣса и сборъ разбросаннаго въ немъ оружія (**).

Сколько мы ни спрашивали потомъ плѣнныхъ и жителей, гдѣ

(*) Ржепецкій за самовольное принятіе боя подъ Стройновымъ былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни; но, въ уваженіе прежнихъ заслугъ, конспирація эта была замѣнена отрѣшеніемъ его отъ должности и востребованіемъ впредъ поручать ему командованіе отдѣльными частями.

(**) Пяхота собрала еще 26 сабель, 10 пикъ, 17 штуцеровъ и 7 револьверовъ.

находились во время боя Хмѣлинскій и Бессагъ, никто изъ него не зналъ опредѣлительнаго. Пѣхнныя говорили, что наканунѣ оба они выѣхали изъ лагеря, сопровождаемые горстью отборныхъ всадниковъ, но куда—неизвѣстно. Темные слухи ходили, однако, что Хмѣлинскій задумалъ произвести нападеніе гдѣ-то въ Стопницкомъ уездѣ. Поэтому надо было принять нѣкоторыя предосторожности и осмотрѣть Гроховисскій лѣсъ, какъ пунктъ, наиболѣе удобный для укрывательства шаякъ. Въ сожалѣнію, экспедиція разстроилась при самомъ началѣ. Едва майоръ Бировъ выступилъ изъ Водзислава съ тремя калыванскими ротами, какъ получилъ извѣстіе, что сосѣдніе отряды, жѣховскій и прошевницкій, вовсе не могутъ принять участія въ дѣйствіяхъ (*), и что эстафета, отправленная въ Стопницу, съ просьбою выслать одну или двѣ галицкія роты, перехвачена мятежниками. Произошла невольная остановка. Пока Бировъ писалъ изъ Павловицъ вторичную бумагу, пока бумага ходила и пока рота, высланная, наконецъ, изъ Стопницы, прибыла въ Хмѣльницъ, въ Гроховисскомъ лѣсу никого уже не было....

Между тѣмъ распространилась вѣсть, что Хмѣлинскій, бросившись на Опатовъ, разграбилъ тамошнее казначейство.

Это происшествіе, о которомъ сперва говорили шопотомъ, вскорѣ подтвердилось официальнымъ путемъ и надѣлало большого шума. Въ самомъ дѣлѣ, горсть конницы, бросающаяся, очертя голову, въ городъ занятый пѣхотою, и среди бѣлаго дня овладѣвающая въ немъ казначействомъ, заслуживала вниманія. Если Хмѣлинскій не былъ извѣстенъ прежде какъ даровитый предводитель, то одного подобнаго нападенія было бы достаточно, чтобы составить ему извѣстность смѣлаго и предприимчиваго партизана. Но расскажемъ, со словъ очевидцевъ, какъ происходило дѣло.

Въ то время, когда полковникъ Шульманъ вступалъ съ отрядомъ въ Цысовскій лѣсъ, Хмѣлинскій и Бессагъ, оставивъ на мѣстѣ большую часть конницы, взяли съ собою отборныхъ всадниковъ и скрытно выѣхали изъ лагеря. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ они отправились; но по таинственности приготовленія, по озабоченнымъ,

(*) „Участія въ экспедиціи я не могу принять“—писалъ начальникъ прошевницкаго отряда, майоръ Гавриловъ. „Потому что изъ числа двухъ ротъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, одна собираетъ подати взыскующимъ порядкомъ, а другая отправлена въ Олькушъ для сопровожденія военной контрабанды, пѣхннхъ и арестованныхъ“....

Полковникъ Даниловъ, въ свою очередь, писалъ, „что, имѣя на рукахъ батальонное имущество и большую сумку денегъ, не можетъ выступить изъ Махова, гдѣ находятся только двѣ роты безъ кавалеріи, которая отправлена также для конвоирования въ Олькушъ пѣхннхъ и арестованныхъ“.

серьезнымъ лицамъ обоихъ предводителей, вѣдавшихъ рядомъ и переговарившихся въ полголоса, можно было догадываться, что предстоитъ нѣчто поважнѣе обыкновенной встрѣчи съ москалями. Ночью партія сдѣлала привалъ, и потомъ продолжала идти лѣсами до разсвѣта. Тутъ только объяснилось, что Хмѣлинскій вознамѣрился произвести набѣгъ на Опатовъ, гдѣ, по выступленіи полковника Сухомина, осталась одна рота, стоявшая, какъ говорили Хмѣлинскому, довольно оплошно.

Утромъ, 13-го ноября, партія выѣхала изъ лѣсу. Оплошность гарнизона простиралась до того, что часовые замѣтили непріятеля только тогда, когда онъ, съ крикомъ и выстрѣлами, уже ворвался въ городскую рогатку. Казакъ, стоявшій при въѣздѣ на мосту, не успѣлъ опомниться, какъ былъ окруженъ и, вмѣстѣ съ лошадыю, сброшенъ подъ кручу; два его товарища очутились въ плѣну. Между тѣмъ, инсургенты разсыпались по улицамъ, окружили жандармскую конюшню, схватили двухъ находившихся тамъ жандармовъ и пока ошеломленная пѣхота разобрала въ чемъ дѣло, казначейство, стоявшее на выѣздѣ изъ города, было уже разбито. Тогда по знаку, данному Хмѣлинскимъ, инсургенты во весь опоръ бросились къ лѣсу, торопясь увезти съ собою деньги и плѣнныхъ (*). Острижи прибавляли, что, будто бы, во время нападенія, Хмѣлинскій преспокойно сыгралъ въ трактирѣ партію на бильярдѣ, не видя въ томъ для себя никакой опасности. Опасности точно не было, потому что партію некому было преслѣдовать. Однако пѣхота, открывшая въ догонку ружейный огонь, положила на мѣстѣ нѣсколькихъ инсургентовъ, въ числѣ которыхъ, какъ утверждаютъ, былъ молодой человекъ, адъютантъ Хмѣлинскаго.

Разсказываютъ, будто бы Хмѣлинскій такъ пораженъ былъ смертію этого юноши, что, остановившись надъ его трупомъ, сказалъ: «Если бы я зналъ, чѣмъ кончится мое предпріятіе, я отбѣнилъ бы нападеніе на Опатовъ».

Остается добавить, что плѣнные, привезенные въ лагерь мятежниковъ, были разстрѣляны. Мы не могли тогда понять причины подобной жестокости, но, впоследствии, когда объ этомъ спросили Хмѣлинскаго, онъ отвѣчалъ, что плѣнные были разстрѣляны по приказанію Боссака, послѣ того какъ они рѣшительно отказались поступить въ банду.

— Но развѣ это достаточная причина?—спросили Хмѣлинскаго.

— Лично я считаю эту казнь большимъ несчастіемъ, отвѣчалъ

(*) Денегъ украдено было пять тысячъ рублей серебромъ.

онъ; но казна была необходима, потому что эти пять человѣкъ видѣли въ нашихъ лагерьхъ такіа шенцы и такіа лица, что отлучать ихъ было невозможно. Жануарны знали въ лицо войскъ окрестныхъ помѣщиковъ и, по своей изобрѣтливости, но покороменились бы назвать тѣхъ, которые были замѣшаны въ опатовскую исторію (*).

По первому извѣстію о нападеніи на Опатовъ, 4-я эскадронъ Новороссійскаго полка на полныхъ рыскахъ прибылъ изъ Сташева, но не засталъ непріятеля (**). Въ то же время генераль Ушаковъ далъ приказаніе полковнику Аленичу выступить съ отрядомъ въ Опатовскій уѣздъ и произвести строгое слѣдствіе, такъ какъ было подозрѣніе, что казначей, вмѣстѣ съ чиновниками, нарочно задержалъ деньги, чтобы передать ихъ мятежникамъ. Чиновниковъ оштрафовала за это ссылка; горожу угрожала большая контрибуція, и для Опатова; послѣ мнѣвутаго торжества, наступили дни тяжелаго ожиданія.

Аленичъ выступилъ 14-го числа и прибылъ въ Илжу въ то самое время, когда отряды, вторично посланные изъ Калець, вступили въ Цысовскій лѣсъ, полагая, что, послѣ удачнаго набѣга, Хмѣльницкій непремѣнно будетъ держаться въ мѣстахъ, только что пройденныхъ нашими войсками. Поэтому самая движенія предположено было сдѣлать по тѣмъ же дорогамъ, по которымъ ходили въ прошедшій разъ. Но инсургенты были на-сторожѣ.

«Москва вышла изъ Щечно въ Цысову» — писалъ 14-го числа одинъ изъ польскихъ предводителей, майоръ Богданъ, другому. «Капитанъ Тильманъ съ ротою стоитъ въ Орловинахъ и будетъ удерживать позицію, пока не разъяснятся истинныя намѣренія непріятеля; но если Москва пойдетъ въ Цысовъ—необходимо озаботиться перевозкою оттуда патроновъ, салогъ и рубашекъ»... Были или не были перевезены всё эти запасы—не знаемъ; но какъ въ Цысовѣ, такъ и въ Орловинахъ мы ничего не открыли. Тильманъ, по всей вѣроятности, отступилъ во-время, и войска, проходивъ за нимъ цѣлыя сутки по глубокой грязи и по размошену снѣгу, вынужденны

(*) При нападеніи на Опатовъ, съ нашей стороны, кромѣ пяти нижнихъ чиновъ, пятихъ въ плѣнъ, двое были равены, да пропало пять лошадей.

Государь Императоръ, получивъ всеподданѣйшее доносеніе о мужественной смерти рядовыхъ опатовской жандармской команды, Якова Андрѣева, Семена Алексѣева и Францишка Милковича, а также казаконъ Донскаго № 9 полка Константина Луковскаго и Есима Гарбузова, Всемилостивѣйше повелѣлъ соизволять, во вниманіе оказанной ими непоколебимой преданности престалу и отечеству, значительной пожертвованіемъ собственной жизни, производить семействамъ ихъ пенсію, по сту рублей серебромъ ежегодно.

(**) Эскадронъ сдѣлалъ 35-ти верстныи переходъ съ небольшимъ въ три часа времени.

были отказаться отъ преслѣдованія. Говорили потомъ, будто бы ошибочное движеніе колонны майора Яблокскаго дало мятежникамъ возможность проскользнуть между нашими отрядами. Это могло случиться; но надо помнить, что въ этой мѣстности, посреди горъ и овраговъ, покрытыхъ сплошными лѣсами, простиравшимися кругомъ на двѣсти квадратныхъ верстъ, подобную ошибку сдѣлать совсѣмъ нетрудно.

Одновременно съ этими дѣйствіями, мы получили свѣдѣніе, что около Илчи появилась банда, но что полковникъ Аленичъ разбилъ ее между Любенью и Бродами, причѣмъ онавадось, что шайка состояла изъ однихъ новобранцевъ, подъ предводительствомъ Петровскаго.

Въ то же время, 5-я рота Тобольскаго полка, подъ командою капитана Левадовскаго, разбила, близъ Корытинцы, другую банду, пробравшуюся изъ Изозецкаго воеводства къ Виолѣ, съ намѣреніемъ переправиться въ Краковъ.

Объ эти стычки, по своей незначительности, мало заслуживали вниманія, а потому, вечеромъ, 15-го ноября, въ Къльцахъ сформированъ былъ новый отрядъ, который, подъ начальствомъ полковника Шульмана, въ третій разъ отправился для осмотра Цысовскаго лѣса.

По неопредѣленности пункта, гдѣ именно были сосредоточены банды, Шульманъ, придя въ Далешницы, раздѣлилъ войска на три колонны, направивъ одну, при которой находился взводъ батарейныхъ орудій, къ Цысову, другую, черезъ Уйвы и Сымковъ, на Гуту-Новую, а третью къ Стройнову и Другнѣ, съ тѣмъ, чтобы обойти лѣсъ по его окраинамъ (*).

На этотъ разъ экспедиція пошла довольно успѣшно. Развѣзды главной колонны, подвигаясь къ Цысову, первые попали на слѣдъ неприятеля: они узнали, что конница, въ числѣ сорока или пятидесяти человекъ, вышла недавно изъ фольварна и, погнавшись за нею въ лѣсъ, встрѣтили всадника, который ѣхалъ, безопасно насвистывая польскую пѣсенку. Всадникъ былъ безъ оружія; но по его манерѣ держаться на лошади, по его большимъ походнымъ сапогамъ и притороченной буркѣ, нетрудно было догадаться, что это повстанецъ. Когда его задержали, оказалось, что онъ изъ шайки Хмѣлинскаго, которая, по его словамъ, была расположена въ полуверстѣ за де-

(* *Первая* колонна, находившаяся подъ личнымъ начальствомъ полковника Шульмана, состояла изъ двухъ съ половиною ротъ, двухъ батарейныхъ орудій и 10 казаковъ; *средняя* изъ полуторы роты пѣхоты, подъ командою капитана Добрышина; *третья* изъ эскадрона новороссійскихъ драгунъ, подъ командою штабсъ-капитана Щербинскаго.

ревнею Новой-Гутой и состояла из двух сотъ человекъ пѣхоты и конницы (*).

Желаніе накрыть непріятеля врасплохъ, чтобы не дать ему времени разсѣяться по лѣсу; было такъ сильно, что солдаты сами просили не дѣлать привала и вести ихъ дальше. По указанію лѣвшаго, охотно взяшагося служить провожатымъ, отрядъ свернулъ на тропинку, которая, пройдя нѣсколько саженей по густому лѣсу, круто повернула вправо и начала спускаться въ глубокой оврагъ, обставленный съ двухъ сторонъ крутыми, лѣсистыми горами. Едва отрядъ втянулся въ это ущелье, какъ впереди послышалась сильная перестрѣлка. Для поддержанія авангарда (**), тотчасъ выдвинута была 3-я линейная рота; но въ ту же минуту окрестныя высоты покрылись толпами непріятеля, и отрядъ очутился въ западнѣ, искусно приготовленной для него инсургентами. Въ такомъ положеніи малѣйшее колебаніе могло имѣть гибельныя послѣдствія, а потому полковникъ Шульманъ, приказавъ капитану Тарговскому сосредоточить картечный огонь на правую возвышенность, чтобы не дозволить непріятелю спуститься въ тылъ, самъ перешелъ въ наступленіе.

Стрѣлки, предводимые отважнымъ поручикомъ Доценкою, съ крикомъ ура! первые бросились на правую гору. 3-я рота повернула лѣво; но, попавъ подъ перекрестный огонь, смѣшалась до того, что люди—говорить одинъ очевидецъ—колебались идти въ атаку (***)]. Къ счастью, полковникъ Шульманъ, во-время замѣтившій колебаніе, подоспѣлъ на помощь съ храброю 10-ю ротою.

Стычка произошла упорная, но непродолжительная. Матемники были сбиты съ высотъ, но пока одни бѣжали въ Отесени, другіе, прикрывшись опушкою лѣса, успѣли—таки спуститься съ горъ и ударили на взводъ 10-й роты, оставленной при орудіяхъ. Положеніе этого взвода было критическое. Дорога, по которой отрядъ преслѣдовалъ непріятеля, шла по открытымъ предгорьямъ лѣсистаго хребта и въ одномъ мѣстѣ пересѣкалась такимъ крутымъ оврагомъ, что часть 10-й роты вынуждена была приостановиться для спуска арти-

(*) Тѣ же самыя свѣдѣнія подтвердили крестьяне, которыхъ мы встрѣтили въ лѣсу и приняли за лѣсничихъ. Впослѣдствіи оказалось, что это были переодѣтые повстанцы, подосланные нарочно для того, что бы замануть насъ въ лѣсную трущобу, гдѣ Боссаъ и Хильинскій приготовили засаду.

(**) Въ авангардѣ находились казаки и взводъ 1-й стрѣлковой роты Смоленскаго полка.

(***) Рота эта, долго находившаяся въ авангардовой крѣпости, впервые участвовала въ серьезномъ бою. Надо прибавить, что, при самомъ началѣ дѣла, она сбилась съ настоящаго направленія и нѣкоторое время блуждала по лѣсу, что, безполезно засуетивъ людей, не могло не имѣть вліянія на ихъ нравственныя силы.

деревн и отстать отъ отряда. Въ этомъ-то опасномъ мѣстѣ инсургенты, окруживъ смоленцевъ, произвели стремительный натискъ, во губительный картечный огонь, повалившій передній рядъ атакующихъ, заставилъ ихъ послѣшно отхлынуть назадъ. Тогда мятежники рассыпались по горѣ и издали открыли по нашимъ войскамъ убійственный огонь. Солдаты, раздраженные потерями, не хотѣли переходить оврага безъ того, чтобы не расчитаться съ повстанцами, но въ это время прискакалъ офицеръ съ приказаніемъ, чтобы орудія какъ можно послѣшнѣ шли за отрядомъ.

Оказалось, что Шульманъ, преслѣдуя одну шайку, наткнулся въ Отесенкахъ на другую, которая заняла въ деревнѣ всѣ каменные строенія, костель, фольваркъ и встрѣтила его бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Нечего было и думать штурмовать позицію безъ артилеріи; но артилерія занята была въ аріергардѣ, а аріергардъ не было возможности вырвать изъ жаркаго дѣла. Къ счастью, въ этотъ самый моментъ, инсургенты, отвлеченные движеніемъ капитана Добрышина, перестали тревожить насъ съ тылу.

Впослѣдствіи, разговаривая съ плѣнными, мы слышали, что планъ Боссака и Хмѣлинскаго заключался именно въ томъ, чтобы заманить насъ, какъ можно дальше, въ лѣсныя трущобы и здѣсь разбить по частямъ; но энергическая атака полковника Шульмана навела на инсургентовъ такой панической страхъ, что, при первомъ звукѣ барабана, ударившаго въ наступленіе, они послѣшно стали очищать деревню. Боссакъ и Хмѣлинскій сидѣли у помѣщика за завтракомъ, когда испуганный повстанецъ вбѣжалъ къ нимъ съ крикомъ: «спасайтесь—русскіе атаквали деревню!»

Хмѣлинскій не повѣрилъ. «Не можетъ быть», сказалъ онъ съ досадою; но въ ту же минуту раздался оглушительный трескъ и ядро, пробившее стѣну, съ визгомъ пролетѣло по комнатѣ. Всѣ бросились вонъ. «Я остолбенѣлъ»—разсказывалъ, впослѣдствіи, Хмѣлинскій, «когда увидѣлъ русскихъ, врывающихся въ деревню и улицы, покрытыя бѣгущими повстанцами»...

Справедливость требуетъ сказать, что Боссакъ и Хмѣлинскій употребили все, чтобы остановить бѣгущихъ, но сами едва не попали въ плѣнъ и, бросивъ пѣхоту, ускакали къ своей конницѣ, которая одна сохранила порядокъ и шагомъ отступала къ деревнѣ Вудльгъ-Поклонной. Тутъ-то пришлось пожалѣть, что у насъ подъ рукою не было драгуневъ, потому что артилерія, по условіямъ мѣстности, не могла наносить неприятелю значительнаго вреда, и только равъ гра-

ната, лопнувшая надъ кавалерійскою колодезю, произвела въ насъ большое ошущеніе.

Слушиваясь съ горы, на которой стоятъ Отесенки, Шульманъ продолжалъ преслѣдованіе до Вульки-Поклонной; по сѣбѣ къ нему прислакалъ офицеръ съ отвѣтомъ, что въ тылу сбитъ показанный мятельникъ.

Всѣ переглянулись съ недоумѣніемъ.

— Они вѣрно обманли насъ по флагманъ; пошлите туда казачій разъѣздъ, сказалъ полковникъ Шульманъ.

Разъѣздъ послышалъ и вскорѣ возвратился съ отвѣтомъ, что подхваченная войска были ротами капитана Добрышина, который только что выдержалъ въ тѣбу горячую схватку.

По разсказамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ, мятельники встрѣтили Добрышина надъ Гуткою-Новой, почти на томъ же мѣстѣ, на которомъ встрѣтили они полковника Шульмана, и принудили его начать отступленіе. Отбивавшій Добрышинъ свернулъ направо, и тѣсомъ сталъ направиться на тропившіе вдала оружіи выстрѣлы. Непріятель съ боемъ преслѣдовалъ его на протяжении нѣсколькихъ верстъ и, по слѣдамъ его, занялъ Отесенки (*).

Преслѣдовать разбитого Имѣдинскаго, оставивъ позади себя новую шайку, было невозможно; поэтому положили идти назадъ, чтобы вторично взять Отесенки, и затѣмъ уже дѣйствовать такъ, какъ укажутъ обстоятельства. Четыре роты, съ барабаннымъ боемъ, двинулись на приступъ; но мятельники, послѣ нѣсколькихъ залповъ, разсѣялись, оставивъ на мѣстѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Это были первые трофеи, взятые нами въ этотъ день на полѣ сраженія. До сихъ поръ мы видѣли только мѣста, бывавально залитыя кровью, но не видали ни убитыхъ, ни раненыхъ, которыхъ мясургенты, по всей вѣроятности, унесли съ собою; можетъ быть, изъ желанія скрыть свою потерю (**).

Съ нашей стороны, въ этихъ упорныхъ схваткахъ, раненъ былъ поручикъ Доценко, контуженъ прапорщикъ Нельговскій и вышло изъ строя 34 человекъ нижнихъ чиновъ.

Бой окончился въ сумеркахъ. Отрядъ расположился бивуакамъ въ самой деревнѣ и занялся уборкой убитыхъ и раненыхъ. Убитыхъ сносили въ костель; раненымъ дѣлали перевязку и приготовляли

(*) По всей вѣроятности, это были тѣ самыя шайки, которыя нападали на нашъ арьергардъ, и этимъ же объясняется, почему онъ не тревожилъ насъ съ тылу во время перваго боя подъ Отесенками.

(**) По доносенію полковника Шульмана, орудія, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, сдѣлали 35 выстрѣловъ, преимущественно картечью и гранатами.

подводы для отправки ихъ въ Жильцы. Въ то же время опрашивали плѣнныхъ (*), изъ показанія которыхъ узнали, между прочимъ, что банды стояли въ Отесентахъ около двухъ недѣль на тѣсныхъ квартирахъ и занимались преимущественно обученіемъ новобранцевъ стрѣльбѣ изъ вновь-доставленныхъ имъ штуцеровъ какой-то бельгійской системы. Рекрутскіе наборы производились повсемѣстно, по цѣлой околицѣ, для чего вымлались небольшія партіи, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, оубѣдили, чтобы жители не имѣли съ нами сношеній. Виновные въ томъ строго наказывались (**). Не задолго передъ этимъ пропалъ у насъ еврей Бодзиковскій, занимавшійся въ войскахъ разными подрядами. Онъ выѣхалъ изъ Станева, имѣя при себѣ кавтанци, и на дорогѣ исчезъ такъ, что даже семейство его не знало, куда онъ дѣвался. Полагали, что его схватили мтежники. Когда спросили объ этомъ плѣнныхъ, однихъ изъ нихъ, подумавъ, отвѣтилъ, что припоминаетъ дѣйствительно, какъ, нѣсколько дней тому назадъ, какой-то жидъ былъ схваченъ развѣдами и, по приказанію Хмѣлинскаго, повѣшенъ близъ д. Ивановицы. Назелъ справку: оказалось, что это былъ нашъ несчастный подрядчикъ.

Въ Отесентахъ, наконецъ, присоединился къ намъ эскадронъ, о которомъ до сихъ поръ не было никакого вѣвѣстія. Если-бы драгуны пришли однимъ часомъ ранѣе, то имѣли-бы славное дѣло и, можетъ быть, схватили-бы Боссака, потому что вышли какъ-разъ на то направленіе, по которому отступала неприятельская конница. Къ сожалѣнію, ничего этого не случилось. Замѣчательно, что драгуны, находившіеся верстахъ въ десяти отъ боя, не слышали канонады, которую слышали въ Лаговѣ, и даже въ Становѣ. Но такова особенность здѣшной пересѣченной мѣстности!

Наступила темная, осенняя ночь. Небольшіе огни, разложенные вдоль по деревнѣ, потрескивая намокрыми дровами, едва мерцали среди сгушавшагося въ долинахъ мрака. Несмотря на отвратитель-

(*) Если не ошибаемся, то въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ именно подъ Отесентами, находился Крушовицкій, сынъ известнаго польскаго генерала, игравшаго важную роль во время войны 1831 года.

(**) Каждая услуга русскому правительству влекла за собою, кромѣ значительнаго денежнаго штрафа, публичное безчестіе, лишеніе политическихъ правъ, изгнаніе изъ края, а въ случаяхъ болѣе важныхъ и наказанію смертію. Бывали примѣры, что наказывались цѣлыя деревни. Такъ, въ декретѣ начальника ольжухинскаго повята отъ 25 ноября читаемъ: „Военнымъ судомъ деревня Накло, а именно часть, лежащая за корчмою, присуждена къ сожженію за „*Oddanie się Molokowie na wstęgi*“, причѣмъ предупреждаю, что жители, въ теченіе одной недѣли, не перервутъ съ русскими всѣ сношенія, то будетъ сожжена и другая половина деревни“.... Вскорѣ точно такая же участь постигла д. Тарнову-Гуру и нѣкоторыя другія.

ную погоду и моррый снѣгъ, пронизавшій до костей, на близкомъ слышался тотъ шумный говоръ, который тогда старается война грядить себя за долгое, вынужденное молчаніе. Но вдругъ всё приумолкло, стали прислушиваться и скоро слышній крикъ: «тревога!» разнесся по цѣлому лагерю. Приismanали казаки съ извѣстіемъ, что непріятель началъ наступленіе со стороны Лагова.

Сивозъ частые, моррые сильныя хлопья, нападены на небольшихъ открытых поляны, окружавшія Отасенки, съ трудомъ можно было различить нѣсколькихъ вѣдунцовъ, которые внимательно всматривались въ расположеніе нашего отряда. Недалеко ихъ можно было принять за непріятельскіе разбѣды. Поэтому иныяе доволешивель, и такъ какъ въ то же время замѣчена была сильная волона, снуекавшаяся съ горъ къ Отасенкамъ, то подали условный сигналъ, на которому въ лагерь ударили тревогу. Въ одну минуту войско стало въ орудія. Уже орудія, заряженныя картечью, наведены были на приближавшуюся массу, какъ прискакала казакъ съ извѣстіемъ, что идутъ русскіе. Это былъ отрядъ полковника Алесина, который, находясь между Лаговымъ и Опатовымъ, услышалъ сильную канонаду и, не теряя времени, двинулся на выстрѣли (*).

Вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе о приближеніи другаго отряда изъ Сташева, подъ командою полковника Звѣрева; но этотъ отрядъ дошелъ только до Вурозвѣношъ и, не слыша болѣе выстрѣловъ, повернулъ назадъ, оставивъ на мѣстѣ небольшую волону, подъ командою полковника Севастьянова.

На слѣдующій день произведена была усилонная рекогносцировка лѣса: Севастьяновъ двигался по южной окраинѣ; сводный дивизионъ изъ двухъ эскадроновъ Новоросійскаго и Екатеринославскаго драгунскихъ полковъ, съ однимъ коннымъ орудіемъ, прошелъ на западъ до Щечно и оттуда повернулъ на Далеицы и Макошицы; пѣхота, въ то же время, обошла восточную половину лѣса и неподалеку отъ Лагова, сожгла, погнутый непріятелемъ, лагерь. Когда задымился крайній баракъ — рассказывалъ одинъ офицеръ — изъ лѣса показалась красивая, плетеная бричка, въ которой сидѣли двѣ женщины, съ ногъ до головы укутанныя черными шадями. Бричка хотѣла повернуть назадъ, но уйти было невозможно; казаки скакали уже наперерѣвъ и кричали кучеру, чтобы держалъ лошадей. Кучеръ остановился; экипажъ осмотрѣли, и такъ какъ въ немъ оказались

(*) Отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ Могилевскаго полка, двухъ казачьихъ орудій, эскадрона екатеринославскихъ драгунъ и нѣсколькихъ казаковъ.

формы, бѣлье и съѣстные припасы, то дамамъ предложили совершить дѣльнѣйшее путешествіе вѣсть съ страждущими.

Этимъ эпизодомъ окончилась несчастная эконедія. На слѣдующій день Шульманъ возвратился въ Бѣльцы; Аленичъ пошелъ въ Опатовъ; для наблюденія за Ильинскими лѣсомъ высланъ былъ изъ Радома партизанскій отрядъ, который, подъ командою штабсъ-капитана Штейна, остановился въ Бродахъ. Дѣйствіе этого отряда, однако же, было не совсѣмъ удачно: итеники напали на него врасплохъ и, послѣ короткаго боя, принуждены возвратиться въ Радомъ (*). Въ сожалѣнію, намъ не можемъ сообщить никакихъ подробностей этого дѣла; знаемъ только, что шайка, напавшая на партизановъ, была подъ предводительствомъ Березы, личности, о которой до сихъ поръ нигдѣ и ничего не было слышно. Большинство полагаютъ, что Береза составлялъ партію изъ остатковъ разбитой банды Петровакаго; но это едва-ли справедливо; порадо вѣрнѣе предположить, что партизаны были разбиты частью банды Хмельницкаго, который переходилъ въ это время изъ Цисовскаго лѣса въ западную часть Радомской губерніи, на берега Пилицы.

Дѣйствительно, 21-го числа, къ командиру Кольванскаго пѣхотнаго полка, полковнику Власову, явились лазутчики съ вѣстіемъ, что въ окрестности Щегодына появилась компания, силою до пяти сотъ всадниковъ, и что при ней находятся Бессакъ и Хмельницкій. Власовъ сообщилъ объ этомъ во все сосѣдніе отряды и, потребовавъ изъ Конецъ-Поля, Пилицы и Жарновицъ по одной ротѣ, образовалъ отрядъ, съ которымъ, 22-го числа, двинулся по направленію къ д. Яроновицамъ.

Весь этотъ день прошелъ въ небольшихъ стычкахъ, а на слѣдующее утро полковникъ Власовъ получилъ печальную вѣсть о неудачномъ дѣлѣ, которое имѣла 2-я стрѣлковая рота Кольванскаго полка въ окрестностяхъ Енджіева. Рота эта, выступившая, какъ говорили, на перерѣзъ отступавшей банды, сама наткнулась въ лѣсу, у д. Грудзины, на пѣшую шайку и потерпѣла сильную неудачу. Ротный командиръ ея, штабсъ-капитанъ Пфейферъ, былъ убитъ на-повалъ, а солдаты, разстрѣлявшіе свои патроны, въ безпорядкѣ отступили къ Енджіеву (**). Власовъ, по первому извѣстію объ этомъ происшествіи,

(*) Потери у штабсъ-капитана Штейна были весьма незначительны: раненъ штабсъ-капитанъ Масловскій, командовавшій взводомъ Могилевскаго полка, и два рядовыхъ; кромѣ того одинъ другъиъ пропалъ безъ вѣсти и нѣсколько лошадей разбѣжалось.

(**) Кромѣ штабсъ-капитана Пфейфера, рота потеряла пять нижнихъ чиновъ, но привела съ собою двухъ пленныхъ и четыре лошади.

самъ прибылъ въ Грузины и, не заставъ неприятеля, преслѣдовалъ его нѣсколько дней сряду. Казаки имѣли при этомъ двѣ или три незначительныя стычки, но пѣкота не успѣвала за конницею и кончила тѣмъ, что 25-го ноября, измученная форсированнымъ маршемъ, остановилась въ Матковицахъ.

Отсюда полковникъ Власовъ донесъ генералу Ченгери, что Хмѣльницкій находится въ Бѣѣ, и что, по слухамъ, туда же направляются пѣшія шайки, имѣвшія 23-го ноября съ ротой Колыванскаго полка дѣло, въ которомъ убитъ штабсъ-капитанъ Цейферъ.

Вслѣдствіе того, въ Бѣльцахъ тотчасъ былъ сформированъ отрядъ подъ командою барона Таубе, и высланъ наперерѣвъ мятежникамъ съ тѣмъ, чтобы не пропустить ихъ обратно къ Цысовскому лѣсу (*). Была уже поздняя ночь, когда отрядъ пришелъ въ Хмѣльникъ и, послѣ тридцати-пятиверстнаго перехода, остановился для ночлега.

Но едва устроили бивуахъ, какъ эскадрону драгуновъ, съ однимъ ракетнымъ станкомъ, приказано было готовиться къ выступленію.

Черезъ четверть часа летучій отрядъ былъ уже въ походѣ. Вѣдно было соблюдать всевозможную осторожность и тишину. Никто не зналъ куда идти, и эта скрытность, заставляя ожидать чего-то необыкновеннаго, придавала походу таинственный и въ высшей степени интересный характеръ. Драгуны шли, попеременно, то шагомъ, то рысью, и, наконецъ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, увидѣли, что подвигаются къ деревушкѣ, раскинутой по опушкѣ лѣса. Это было селеніе Сладкувъ, гдѣ думали схватить самого Хмѣльнскаго; но, къ величайшей досадѣ, узнали, что, около одиннадцати часовъ ночи, онъ былъ потревоженъ отрядомъ полковника Власова и, послѣ незначительной перестрѣлки съ казаками, ушелъ въ Гроховисскій лѣсъ (**).

На слѣдующій день, баронъ Таубе, двигаясь къ Стопницѣ, встрѣтилъ роту 7-го стрѣлковаго баталіона и полусотню казаковъ, которые тотчасъ присоединились къ его отряду. Оказалось, что они вышли изъ Мѣхова, подъ командою полковника Данилова; но, накануне, Даниловъ отдѣлился отъ нихъ съ сорока казаками и, увлекшись преслѣдованіемъ какой-то партіи, встрѣченной подъ Матковицами,

(*) Составъ отряда: три роты Смоленскаго полка, два батарейныя орудія, ракетный станокъ, эскадронъ новоросійцевъ и 20 казаковъ. Замѣчательно, что роты, эскадронъ и казаки случайно назначены были тѣ самые, которые участвовали въ дѣлѣ подъ Оксоемъ.

(**) Тамъ Хмѣльнскій наткнулся вторично на тотъ-же самый отрядъ, двигавшійся въ д. Шанецъ, и повернулъ къ Пичову. Узнавъ объ этомъ, баронъ Таубе предложилъ полковнику Власову соединиться для совокупныхъ дѣйствій; но Власовъ не принялъ предложенія и ограничился осмотромъ по пути лѣсистыхъ окрестностей Буска и Богудыцы.

занесся такъ далеко, что о немъ вторымъ сутки не было никакого извѣстiя (*).

Усиленiе нашего отряда произошло какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ это время прiѣхалъ Бель-Узаровъ (**) съ извѣстiемъ, что конница Хмѣлинскаго, въ числѣ четырехъ или пяти сотъ человекъ, съ пѣснями и бубнами потянулась къ близъ-лежащему лѣсу. Казаки, находившіеся при Бель-Узаровѣ, подстергли отсталого всадника и, вмѣстѣ съ лошадыю, привели его къ барону Таубе. Пѣнный оказался краковскимъ студентомъ, слѣдовательно человекомъ развитымъ, однако отъ него ничего нельзя было добиться опредѣлительнаго.

— Что у васъ сегодня было за пѣніе? спросили его офицеры.

— Распорядился Хмѣльницкій, чтобы показать крестьянамъ, какъ бодро переносятъ наши повстанцы труды осенней кампаніи, отвѣчалъ пѣнный, дрожа отъ ноябрьскаго холода.

— Какія же вы поете пѣсни? продолжали спрашивать любопытные офицеры.

— А наши національныя, польскія.

— Ну, на примѣръ, славите Боссака, Хмѣлинскаго—что-ли?...

— Нѣтъ! Хмѣлинскій не терпитъ никакихъ овацій и пѣсни эти ему бы не понравились.

— Такъ что-же вы пѣли, на примѣръ, сегодня?

— Когда мы подходили къ лѣсу, то пѣли слѣдующую пѣсенку:

Какъ горда осанка наша,—
Шашка на богъ, блещеть сталь....
Бонь грызеть бразды и пляшетъ:
Погоди! Помчишься вдаль....

Ты не плачь, красотка, много,
Не теми печалью грудь;
Богъ дастъ—кончатся тревога,
И вернемся какъ-нибудь....

Въ полѣ весело; со славою
Не приходитъ въ мысли гробъ,
Гдѣ положить трупъ кровавый,
Если пуля свиснетъ въ лобъ!... (***)

(*) Впоследствии оказалось, что полковникъ Даниловъ, съ своими казаками, присоединился къ отряду полковника Власова.

(**) Это была послѣдняя экспедиція, въ которой участвовалъ Бель-Узаровъ, обратившій на себя общее вниманіе своею храбростію и предпримчивостію. Передъ отъѣдомъ его на Кавказъ, куда онъ былъ переведенъ для совѣстнаго служенія съ братомъ, офицеры кѣлецкаго гарнизона поднесли ему на память золотую толедскую шашку, выписанную нарочно изъ Петербурга.

(***) Пѣсня передана была намъ, разумеется, по польски.

Пока мы слушали эту пѣсенку, удивляясь, какъ можетъ человекъ, въ положеніи нашего плѣнника, декламировать съ такимъ энтузіазмомъ пустовонные стишонки, баронъ Таубе отдалъ приказаніе къ выступленію и отрядъ двинулся наперерѣвъ мятежникамъ къ д. Глуховой. Извилистая, покрытая кочками, лѣсная дорога на каждомъ шагу задерживала обозъ и замедляла движеніе, а между тѣмъ надвигались сумерки и густой туманъ непроницаемою пеленою сталъ опускаться на окрестности. Вдобавокъ, телега, на которой были уложены ракеты, рассыпалась, и намъ пришлось простоять добрые полчаса, пока солдаты привели все въ надлежащій порядокъ. Далѣе можно было двигаться только ощупью, потому что наступила темная ночь, а въ лѣсу не было колесной дороги (*). Въ такую пору отрядъ обыкновенно движется тихо. Ночная тишина нарушается, время отъ времени, лишь бряцаніемъ скрестившихся штыковъ, фырканьемъ испуганной лошади, да хлопаньемъ въ обозъ польскаго бича. Подъ равномерный, перерывающійся гулъ шаговъ пѣхоты, одолеваетъ дремота; глаза начинаютъ смыкаться; мысли путаются. Самыя неутомимыя натуры, и тѣ изъявляютъ желаніе скорѣе добраться до ночлега, а тутъ, какъ нарочно, не было видно даже признаковъ жилища строенія. Но вотъ, наконецъ, послышался лай и въ туманѣ блеснули тусклые огоньки деревни.

— Ребята! огонь видать! крикнули передніе.

— Смотри, носъ не обожги! отозвался чей-то хриплый голосъ въ рядахъ, и въ ту же минуту покрылся звучнымъ смѣхомъ приободрившихся солдатиковъ.

Вскорѣ показалось имѣніе богатаго польскаго помѣщика Роговнскаго—Тарносканы. Здѣсь былъ назначенъ ночлегъ. Небольшая комната, отведенная для офицеровъ въ верхнемъ этажѣ просторнаго помѣщичьяго дома, биткомъ была набита народомъ и, при слабомъ мерцаніи сальнаго огарка, показалась намъ очень уютною. Помню, съ какимъ удовольствіемъ стряхнули мы мокрую бурю и усѣлись вокругъ стола въ ожиданіи чая, водки и закусокъ.

Комната, между тѣмъ, наполнялась все новыми личностями, и многіе стали уже подумывать о томъ, какъ бы произвести вторженіе въ помѣщичьи залы, какъ вдругъ вниманіе всѣхъ обратилось на господина, взбиравшагося по лѣстницѣ въ енотовой шубѣ. По одеждѣ

(*) До восхода луны, ночи стояли такія темныя, что были случаи, когда солдаты натыкались на штыки своихъ товарищей. Во время этой экспедиціи, при вступленіи въ Хмільникъ, одинъ солдатъ выкололъ себѣ глазъ и едва не лишился жизни.

мы приняли его за жонца и безъ церемоніи попросили убираться, такъ какъ между офицерами ему дѣлать было нечего. На это предложеніе господинъ сдѣлалъ отчаянное усиліе протиснуться въ двери. Ему загородили дорогу; поднялся горячій споръ, и незнакомецъ, выведенный изъ терѣнія, разразился, наконецъ, крупною русскою бранью.

— Да кто же вы такой? спросили озадаченные офицеры.

— Я докторъ стрѣлковаго баталіона.

Мы стали извиняться, что, по костюму, приняли его за повстанца и въ шутку посоветовали бросить проклятую шубу, которая, чего добраго, могла еще подвести его когда-нибудь подъ казацкую пулю. Советъ этотъ оказался пророческимъ.

Ночь прошла благополучно; на разсвѣтѣ, когда конница повела поить лошадей, кто-то вринулъ, что непріятель стрѣляетъ по драгунамъ. Поднялась суматоха, въ особенности когда увидѣли драгуновъ, рысью возвращавшихся съ водопою. Дѣло объяснилось: драгуны ѣхали рысью, потому что въ лагерь были тревогу, а въ лагерь суматоха произошла отъ того, что драгуны уронили въ колодезь бадью, грохотъ которой издали, дѣйствительно, похожъ былъ на залпъ нѣсколькихъ десятковъ ружей.

О непріятелѣ не было никакихъ свѣдѣній. Невозможность наступить Хмѣлинскаго, гоняясь за нимъ съ тяжелымъ отрядомъ, была до того очевидна, что баронъ Таубе рѣшился отправить одну роту Смоленскаго полка обратно въ Бѣльцы, а взамѣнъ ея потребовать изъ Сташева 4-й эскадронъ Новороссійскаго полка; но, по отправленіи объ этомъ эстафеты къ полковнику Звѣреву, пришло извѣстіе, что Хмѣлинскій, ночевавшій около Мамошина, пришелъ въ Цысовскіе лѣса и соединился съ пѣшею шайкою Рембайлы.

Ожидать прибытія эскадрона было невозможно, а потому баронъ Таубе, направивъ маіора Бѣнтковскаго съ двумя ротами (одна смоленская, другая стрѣлковаго баталіона), прямо на с. Уйны и, приказавъ ему остановиться въ этой деревнѣ, самъ со своею кавалерією, орудіями и остальною ротою двинулся туда же окружною дорогою черезъ Першхницу и Щечно. По прибытіи въ Уйны, мы съ удивленіемъ узнали, что Бѣнтковскій, перехвативши здѣсь польскій пикетъ, прошелъ далѣе, но куда? жители не могли сказать навѣрное, такъ какъ дорога въ лѣсу раздѣляется и идетъ одна на Галендровъ, а другая на Гуту-Щетинскую. Для открытія отряда посланъ былъ тотчасъ сильный казачій разъѣздъ, который черезъ нѣсколько минутъ прискакалъ назадъ, объявивъ, что въ лѣсу слышна сильная

перестрѣли и, что, судя по направленію выстрѣловъ и крикамъ сражавшихся, можно заключить, что наши отступаютъ.

— А гдѣ же вашъ офицеръ? спросили мы у казаковъ.

Тѣ переглянулись между собою и тутъ только замѣтили, что офицера не было, и стали догадываться, что съ нимъ случилось что-нибудь недоброе. Нѣсколько человекъ яри урядникъ тотчасъ поѣхали назадъ и вскорѣ возвратились, привезя офицера, найденнаго ими въ лѣсу, въ самомъ безпомощномъ состояніи. Въ то время, когда казаки спускали къ отряду, подъ есауломъ споткнулась лошадь и, упавъ, переломила ему ногу.

Между тѣмъ, трескотня ружейной перестрѣли явственно стала слышна со стороны Гуты—Щетиньской. Разсыпавъ стрѣлковую цѣпь и выславъ впередъ казачьи разъѣзды, баронъ Таубе двинулся на помощь къ Бѣтковскому.

Былъ темный осенній вечеръ. Кавалерія, обремененная обозомъ, медленно подвигалась по густому лѣсу, а вдобаводъ мостъ, продолженный надъ тинистымъ оврагомъ, при переправѣ черезъ него артилеріи, обрушился и зарядные ящики пришлось перетаскивать на рукахъ. Въ это время, въ лѣсу показалась повозка, на которой сидѣлъ кто-то, укутанный въ еотовую шубу. Казаки, притаившіеся за деревьями, обликнули его, но, получивъ въ отвѣтъ: «свуй!», дали залпъ. Стрѣлковая цѣпь открыла бѣглый огонь и въ ту же минуту сама была осыпана пулями. Лѣсъ застоналъ отъ новой перестрѣлки. Къ счастью, ее остановили скоро, такъ какъ оказалось, что передъ нами находятся отступающія роты Бѣтковского.

По разсказамъ, дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Еще по дорогѣ въ Уйны, майоръ Бѣтковский, перехвативъ пикетъ, собралъ свѣдѣнія о томъ, что въ полуторѣ верстѣ за этою деревнею, въ лѣсу, находятся банды Боссака, Хмѣлинскаго и Рембайлы. Такъ какъ численность всѣхъ этихъ шаекъ, по словамъ пикета, не превышала пятисотъ человекъ, то Бѣтковский рѣшился покончить дѣло одинъ и съ этою цѣлью, не дожидаясь барона Таубе, двинулся къ Гутѣ—Щетиньской.

Начинало вечерѣть; перепадалъ мелкій снѣжокъ; дорога перешла въ узкую тропицку, которая поминутно исчезала въ лѣсу подъ наваленными кучами валежника и сухаго хвороста. Цѣпляясь ружьями за голые сучки деревьевъ, перепрыгивая черезъ кочки и пни, солдаты начинали уже сомнѣваться въ справедливости собранныхъ свѣдѣній, какъ вдругъ рѣзко и отчетливо грянулъ ружейный выстрѣлъ

и гдѣ-то далеко, далеко замеръ въ безконечныхъ переватахъ. Солдаты перекрестились.

Скоро отрядъ выбрался изъ чащи и передъ нимъ открылась небольшая поляна, за которою во всѣ стороны тянулись опять тѣ же нескончаемые Цысовскіе лѣса. На серединѣ поляны, ближе къ противоположной опушкѣ лѣса, виднѣлись деревянные сараи, изъ которыхъ небольшое число повстанцевъ, при нашемъ приближеніи, побѣжали въ лѣсъ; но едва отрядъ бросился за ними, какъ попалъ подъ перекрестный огонь и вынужденъ былъ укрыться въ тѣ же самые сараи, ветхія стѣны которыхъ насвободъ были пронизываемы пулями. Волею неволею пришлось начать отступленіе, а между тѣмъ инсургенты, только ожидавшіе этой минуты, со всѣхъ сторонъ ринулись на отступающихъ. Произошла рукопашная схватка. Роты не устояли и были разбиты, оставивъ убитыхъ и раненыхъ въ рукахъ непріятеля.

Разсѣявшіеся люди спасались поодиночкѣ. Одинъ офицеръ рассказывалъ, что за нимъ гналась цѣлая ватага поляковъ, и онъ, не видя другаго спасенія, бросился въ кустъ, гдѣ нашлъ спрятавшагося солдатика. Закрывшись кое-какъ вѣтвями, оба они рѣшились переждать здѣсь, чтобы взять другое направленіе; но ожидать пришлось долго, потому что перестрѣлка не умолкала и кругомъ поминутно слышались голоса пробѣгавшихъ поляковъ. Въ эту-то критическую минуту солдатъ принялся выжаривать огонь для своей трубочки....

— Брось! что ты дѣлаешь! закричалъ на него офицеръ.

— Да вѣдь все равно, ваше благородіе: поляки насъ живыми не выпустятъ, отвѣчалъ онъ съ стоическимъ равнодушіемъ.

Въ первую минуту можно было полагать, что роты понесли огромный уронъ—такъ мало людей вышло изъ лѣсу; но вскорѣ стали прибывать остальные и оказалось, что въ ротахъ не достаетъ только пятнадцати человекъ: изъ нихъ трое были убиты на-поважъ двое пропали безъ вѣсти и десять ранены, въ томъ числѣ поручикъ Смоленскаго полка Федоровичъ, получившій жестокою рапу пулею въ шею и нѣсколько ранъ штыками въ грудь и въ животъ.

Возобновить бой по причинѣ темноты не было никакой возможности, а потому отрядъ, выбравшись изъ лѣса, расположился бивуаками около д. Уйны, откуда тотчасъ отправили крестьянскія подводы, чтобы собрать убитыхъ и раненыхъ.

Ночь, какъ теперь помню, была морозная. Солдаты бивуакировали по колѣни въ грязи, пережѣшанной со снѣгомъ, и, противъ обыкно-

венія, мрачно сидѣли вокругъ дымившихся костровъ, передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Каждый изъ нихъ старался по своему открыть причину неудачи, тяжело отозвавшейся въ особенности на смоленцахъ, избалованныхъ вѣчными подвигами. Но рѣшить такой вопросъ было мудрено. Стрѣлки говорили, что смоленцы, необдуманно бросившіеся впередъ, испортили дѣло, не давъ времени предварительно обстрѣлять опушку; смоленцы, напротивъ, гордились, этимъ ударомъ и жаловались на то, что атака ихъ не была поддержана стрѣлками, которые, будто-бы, предпочитали свою специальность лихому штыковому бою....

Между тѣмъ, подъ самымъ лѣсомъ, на который грозно смотрѣли жерны варяженныхъ орудій, въ крайнемъ небольшомъ домикѣ, принадлежавшемъ лѣсническому, собрался кружокъ офицеровъ. Тутъ же были начальникъ отряда и майоръ Бѣнцовскій. Толковали, разумеется, о происшествіяхъ дня. Бѣнцовскій настоятельно просилъ позволенія снова атаковать непріятеля, ручаясь, что тѣ самыя войска, которыя сегодня понесли поражение, завтра сторицею заплатятъ мятежникамъ. Но прежде чѣмъ думать о будущемъ, надо было позаботиться о раненыхъ, которыхъ крестьяне стали свозить къ тому же самому офицерскому домику.

Начальникъ отряда распорядился очистить одну, самую большую, комнату и приказалъ сносить въ нее раненыхъ. Большая часть изъ нихъ были ранены смертельно и не подавали надежды на выздоровленіе. Помню, въ одномъ углу, на окровавленной соломѣ, лежалъ солдатъ Смоленскаго полка съ пробитою грудью. Онъ хриплымъ голосомъ разсказывалъ товарищамъ, какъ послѣ дѣла мятежники собрали нашихъ раненыхъ и тщательно занялись ихъ перевязкою, которая производилась въ тѣхъ самыхъ сараяхъ, откуда началось роковое отступленіе. Во время перевязки, къ нимъ подошелъ какой-то господинъ высокаго роста, съ козлиною бородкой, и началъ разговаривать съ пѣвными. Это былъ Боссавъ, котораго повстанцы называли генераломъ. Солдаты, смекнувшіе это, принялись, съ своей стороны, титуловать его «вашимъ высокимъ превосходительствомъ», и Боссавъ, довольный знаками наружнаго почтенія, сказалъ, что раненыхъ будутъ лечить, но что за это они, по выздоровленіи, обязаны поступить къ нему въ службу. Солдаты наотрѣвъ отказались. «Мы присягали царю» — прошамкала смоленецъ, у котораго пуля пролетѣла изъ щеки въ щеку — «такъ намъ на службу къ бунтовщикамъ идти не приходится». Къ общему изумленію, отвѣтъ цонра-

вился Бессагу; онъ называлъ смоленца молодцомъ и, выходя, объявилъ, что плѣнные свободны.

Черезъ десять минутъ раскащикъ уже лежалъ неподвижно, закрытый съ головой своею походною шинелью. Послѣ него умеръ стрѣлокъ; потомъ началъ отходить смоленецъ и все просилъ товарищей, чтобы тѣ, по возвращеніи въ Кѣльцы, отслужили по немъ панихиду. Картина была слишкомъ тяжелая, чтобы возобновлять ее въ памяти. Много было пережито и передумано нами въ эту роковую ночь надъ ложемъ умирающихъ, въ комнатѣ, наполненной испареніями крови и запахомъ воска, горѣвшаго, по русскому обычаю, въ головахъ покойниковъ... Эти свѣчи, едва мерцающія колеблющимися пламенемъ, однѣ освѣщали сумрачную залу, бросая по стѣнамъ ея блуждающія, фантастическія тѣни.

Фельдшера окончили перевязывать раненыхъ, когда принесли поручика Федоровича: онъ имѣлъ девять ранъ, изъ которыхъ каждая едва-ли не была смертельною. Крестьяне говорили, что нашли его въ лѣсу, отдѣльно отъ прочихъ, и что, по всей вѣроятности, около него похозяйничали польскіе мародеры, такъ какъ, несмотря на сильный морозъ, его нашли раздѣтымъ почти до-нага. Молодой врачъ подошелъ сдѣлать ему перевязку; но Федоровичъ, чувствуя приближеніе смерти, просилъ объ одномъ—оставить его въ покоѣ (*).

Не доставало на лицо только того доктора, съ которымъ такимъ оригинальнымъ образомъ мы познакомились въ Тарносколахъ. Никто не зналъ куда онъ дѣвался; но солдаты полагали, что онъ убитъ, потому что кто-то видѣлъ въ лѣсу его енотовую шубу. Мы пожалѣли бѣднаго доктора, какъ вдругъ, уже передъ свѣтомъ, двери распахнулись и на порогѣ появились знаменитые еноты.

— Докторъ! Какими судьбами? закричали обрадованные офицеры.

— Тише, господа, тише: я, кажется, раненъ, отвѣчалъ докторъ, осторожно снимая фуражку... Фельдшеръ, осмотрѣвъ его, объявилъ, что онъ контуженъ въ голову. Доктора уложили въ постель, напоили чаемъ, но у него открылся горячечный бредъ, и мы вынуждены были отложить свои распросы до другаго времени.

На слѣдующій день отрядъ тянулся по дорогѣ къ Першхницѣ. Повозки съ ранеными слѣдовали въ обозѣ. На одной изъ фурманокъ сидѣлъ съ обвязанною головою докторъ и рассказывалъ о своихъ ночныхъ похожденияхъ.

— Когда началось отступленіе—говорилъ онъ—я ѣхалъ впе-

(*) Федоровичъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ Кѣльцахъ. Онъ былъ хорошій боевой охотникъ.

реди обоза. Было темно; кругомъ раздавалась живая перестрѣлка и я не зналъ куда направиться, какъ вдругъ замѣтилъ приближавшія ко мнѣ темныя фигуры всадниковъ. Не зная, полагая это, или русскіе, я смѣло, однакоже, отвѣтилъ на окликъ, но не успѣлъ опомниться, какъ свистнула пуля, и я, соскочивъ съ повозки, бросился въ лѣсъ. Въ головѣ была невыносимая боль, и только страхъ попасться въ руки поляковъ придалъ мнѣ силы на столько, сколько именно нужно было для того, чтобы добраться до отряда...

Во время этого разсказа, къ фурманкѣ подъѣхалъ старый казачій есаулъ и, флегматически покачиваясь на сѣдлѣ, принялся крутить папиросу.

— Ну, что, дядя, горячо вчера было? обратился къ нему одинъ изъ офицеровъ.

— Да что тебѣ! возразилъ старикъ, имѣвшій привычку со всѣми сходитья на ты: тебѣ по-дѣломъ, не суйся, куда не спрашиваютъ; а вотъ черезъ васъ-то и я чуть не втемяшился, прости Господи!..

— Что ты, дядя! засмѣялись офицеры.

— Да вотъ что! какъ васъ это щелкали, баронъ возьми, да и пошли меня съ казачками впередъ. Бѣгимъ мы это по-лѣсу, глядь! а на встрѣчу повозка. Стой! Кто ѣдетъ?.. «Свуй!..» Какъ мы вдарили съ ружей, такъ онъ, братецъ ты мой...

— Такъ это вы-то въ меня ударили, вдругъ заговорилъ внимательно вслушивавшійся докторъ: ну, нечего сказать, спасибо вамъ, удружили!..

Базакъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да будто же это ты былъ?

— А кто же! вотъ полюбуйтеся—ка что вы надѣмали, и онъ съ укоризною показалъ на свою обвязанную голову.

— А не носи впередъ польскую шубу: вотъ тебѣ и сказъ! отвѣтилъ разсерженный дядя и, хлопнувъ плетью, зарысая къ авангарду.

Въ Першхницѣ мы оставили раненыхъ, которые, безъ всякаго прикрытія, должны были слѣдовать въ Кѣльцы, а сами прошли опять въ Цысовскіе лѣса и ночевали въ Отесенгахъ. Разъѣзды, ходившіе къ Цысову и Виделкамъ, собрали свѣдѣніе, что вся пѣхота мятежниковъ, послѣ дѣла подъ Гутой—Щетиньской, не останавливаясь, прошла на Макошинъ, а оттуда направилась частію къ св. Кресту, а частію къ Свѣтой—Катаржинѣ. Тутъ же получено было извѣстіе, что около Хмѣльника находится сильный казачій отрядъ изъ 160 человекъ, посланный, по нашей эстафетѣ, изъ Сташева, подъ коман-

дѣю подполковника Севастьянова, которому разрѣшено было, въ случаѣ надобности, присоединить къ себѣ еще 75 казаковъ изъ Хмѣльнига и Столицы. Болѣе полковникъ Звѣревъ выслать не рѣшился, потому что въ Сташевѣ остался только ненадежный эскадронъ драгунъ, необходимый для наблюденія за мелкими бандами, которыя подъѣзжали довольно близко, съ намѣреніемъ тревожить городъ и перехватывать почты. Еслибъ объ отрядѣ Севастьянова мы знали раньше, то, безъ сомнѣнія, дали бы ему такое направленіе, что мятежникамъ не удалось бы перейти въ Свѣнтогжыжскія горы; но теперь преслѣдовать ихъ было бесполезно, потому что Севастьяновъ, обманутый ложными слухами, вскорѣ подался къ Пинчову и, слѣдовательно, еще болѣе удалился отъ направленія, принятаго бандою. Поэтому баронъ Таубе рѣшился окончить экспедицію и 29-го ноября направился на Бѣльцы, высылая по дорогамъ небольшіе, но частые развѣзды. Съ однимъ изъ такихъ развѣздовъ пришлось быть автору этихъ «походныхъ записокъ».

Помнится, дали мнѣ десять или двѣнадцать казаковъ 9-го полка, который, какъ было замѣчено, состоялъ на половину изъ молодыхъ и небывалыхъ казаковъ. Выѣхали мы утромъ, въ самую ненастную, осеннюю пору и, сдѣлавъ верстъ десять на рысяхъ, пріѣхали въ деревушку, раскинутую въ глуши Цысовскаго лѣса. Мѣстность была крайне подозрительная, а потому, оставивъ на горѣ пикетъ, я слѣзъ съ лошади и, приказавъ казакамъ смотрѣть, что называется, въ оба, отправился къ помѣщику распросить его, не были-ли здѣсь зимовныя квартиры повстанцевъ. Прошло минутъ десять или пятнадцать, какъ во дворѣ послышались крикъ, конскій топотъ, и вбѣжавшій слуга объявилъ, что казаки поскакали вонъ изъ деревни. Съ ними отправилась и моя верховая лошадь. Признаюсь, неприятная мысль о возможности быть взятымъ въ плѣнъ разомъ обдала меня крещенскимъ холодомъ. Къ счастью, казаки, проскакавъ за околицу, остановились, внимательно всматриваясь въ чернѣвшуюся передъ нами опушку лѣса. Здѣсь я догналъ ихъ пѣшкомъ и, побранивъ на-порядкахъ, узналъ, что вся тревога произошла отъ того, что изъ лѣсу показалось нѣсколько вооруженныхъ людей. Тотчасъ дали знать объ этомъ въ отрядъ, который разсыпалъ пѣшую цѣпь и захватилъ въ лѣсу трехъ человекъ, принадлежавшихъ, какъ оказалось, къ бандѣ Хмѣлинскаго.

Вообще, дѣйствуя съ молодыми казаками, нельзя было ни на одну минуту терять изъ виду малой подготовки ихъ къ военному дѣлу. Нерасторопность и ненаходчивость ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставили иногда отряды на весьма затруднительное положеніе,

не говоря о фальшивых тревогахъ, которыя отнимали у солдатъ послѣднія минуты отдыха. Рассказываютъ, что разъ какой-то отрядъ стоялъ на бивуакахъ и варилъ себѣ пищу; обѣдъ уже былъ готовъ, какъ изъ лѣсу прискакали казаки, крича, что за ними гонится конная партія. Коглы, разумѣется, вывернули, а черезъ нѣсколько минутъ на опушкѣ показались драгуны. Недоразумѣніе произошло отъ того, что казаки, одѣтые въ какія-то перелинки, вмѣсто шинелей, и нештѣвшіе пилъ, дѣйствительно походили на повстанцевъ болѣе, нежели другіе повстанцы, но какъ они не узнали драгуновъ — это непостижимо. Въ результатъ всей путаницы было то, что пѣхота лишилась своего обѣда.

Рассказываю объ этомъ не съ тѣмъ, чтобы обвинять казакѣвъ; тѣ же казаки, только выдержанные и съ такими офицерами, какими были въ 3-мъ полку Емельяновъ, Ботельниковъ, Пустошкинъ и другіе, выказали много храбрости, находчивости и предпримчивости. Мы только, по долгу очевидца, хотѣли замѣтить, что наши донскіе казаки нуждаются въ серьезной домашней подготовкѣ, безъ которой они тѣ же неумѣлые люди, что и наши рекруты. Казака выучить легче, нежели крестьянина—это правда; но все же его надо учить и учить, пожалуй, долго и съ толкомъ. Можетъ быть, тамъ, на порубежной кавказской линіи, на берегахъ Кубани и Терека—

Гдѣ съ пелень въ бою суровомъ

Жизнь воспитывала ихъ—

тамъ, можетъ быть, военное казачество долго еще не будетъ нуждаться въ постороннихъ мѣрахъ для развитія своей природной удали; но для донцовъ, отвыкшихъ отъ боевыхъ упражненій и часто неумѣющихъ владѣть оружіемъ и держаться въ сѣдлѣ, домашняя школа безусловно необходима (*).

По возвращеніи въ Къльцы, мы узнали, что въ городѣ дѣлаются большія приготовленія къ экспедиціи въ Опатовскій уѣздъ, и что войска, назначенныя для этой цѣли, съсредоточиваются между Цысовымъ, Бодзентыномъ и Слупа-Новымъ.

1-го декабря въ Къльцы прибыли четыре роты Колыванскаго полка, вытребованныя изъ Водислава и Влощовой; двѣ изъ нихъ назначены были въ составъ гарнизона, а двѣ поступили въ отрядъ, который, подъ личной командою генерала Ченгери, выступалъ 2-го декабря на Далешницы и Цысово. Въ то же время къ Цысовскому лѣсу двигались со всѣхъ сторонъ сосѣдніе отряды изъ Опатова,

(*). Мы видѣли казакѣвъ, служившихъ во еронтѣ и неумѣвшихъ ѣздить; знаемъ также, что многіе не брали въ экспедиціи пилъ, потому только, что это оружіе, требующее ловкости, отъвѣило ихъ.

Вержбника, Шидловца и Илжи, а командиру Тобольскаго пѣхотнаго полка, полковнику Мацневу, предложено было направить изъ Конске еще три колонны черезъ Шидловець, Бзынь и Сухидневъ (*), чтобы, одновременно съ нашимъ движеніемъ, охватить Илженскій лѣсъ съ сѣверо-запада.

Экспедиція, начатая одновременно такимиъ значительнымъ количествомъ войска, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Шайки мятежниковъ, державшіяся въ Свѣнтожымскихъ лѣсахъ, потянулись внизъ по рѣкѣ Каменной и, постепенно окружаемые нашими отрядами, были, наконецъ, настигнуты и разбиты на-голову.

Подробности этой экспедиціи заключались въ слѣдующемъ.

Выступивъ, 2-го декабря, изъ Кѣлецъ двумя колоннами (**), генералъ Ченгери въ тотъ же день собралъ свѣдѣнія, что пѣхота Хмѣлинскаго, при нашемъ приближеніи, разсѣялась партіями по Цысовскому лѣсу, а конница вышла на открытую мѣстность между Буновымъ, Бродами и Слупя-Новымъ. Въ слѣдствіе этого рѣшено было начать осмотръ съ Цысовскаго лѣса, и къ вечеру были уничтожены двѣ партіи: одна—подъ Войтечками; другая—подъ Магошинымъ.

Стычка подъ Войтечками, сама по себѣ незаслуживающая вниманія, замѣчательна въ томъ отношеніи, что кавалеріи едва-ли приходилось когда-нибудь дѣйствовать на такой лѣсистой и пересѣченной мѣстности, какъ та, которая известна подъ именемъ Виделокъ. Было часа два пополудни, когда генералъ, получивъ извѣстіе, что изъ Войтечекъ вышла вооруженная партія, приказалъ подполковнику Загряжскому начать преслѣдованіе съ лейбъ-эскадронъ Новороссійскаго полка. Эскадронъ тронулся рысью и, несмотря на страшную гололедку (***), настигъ непріятеля; но здѣсь подвернулись плетни, по всей вѣроятности огороды, или левяды, обнесенныя заборами, черезъ которыя нельзя было перескочить на лошади; а между тѣмъ, пока драгуны обходили это препятствіе, повстанцы втянулись въ лѣсъ и скрылись изъ виду.

Лѣсъ чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще и образовывалъ, наконецъ, дремучія дебри, въ которыхъ на каждомъ шагу попадались канавы, кручи и поваленныя бурями деревья. Въ нѣкоторыхъ мѣ-

(*) Всего девять съ половиною ротъ пѣхоты.

(**) *Лѣвая*, подъ личнымъ начальствомъ генерала: три роты Смоленскаго полка, двѣ Колыванскаго, эскадронъ новороссійцевъ, 20 казаковъ и взводъ батарейной батареи; *правая*—направленная, подъ командою майора Бвятковскаго, по западной окраинѣ Цысовскаго лѣса на Щечво: три роты Смоленскаго полка, ракетный станокъ и 30 казаковъ.

(***) Одна драгунъ, упавъ съ лошады, сломалъ себѣ ногу.

стахъ, вѣтвяны сосны, переплетавшіяся вѣтвями, представляли такую оплошную стѣну, что драгуны прокладывали себѣ дорогу шашками. Рассказываютъ, какъ одинъ драгунъ, зацѣпившійся башлыкомъ за толстый сукъ, подобно Авесалому, повисъ на деревѣ; лошадь его ушла впередъ, а онъ, проболтавшись нѣсколько секундъ въ воздухѣ, упалъ на землю, при общемъ хохотѣ товарищей. Только послѣ полуторачасовыхъ, немовѣрныхъ усилій удалось драгунамъ выбраться на небольшую поляну, откуда подполковникъ Загряжскій отправилъ далѣе однихъ пѣшихъ охотниковъ.

Вслѣдъ затѣмъ, то здѣсь, то тамъ начали раздаваться одиночныя выстрѣлы. Человѣкъ пятьдесятъ драгуновъ спѣшили и отправились помогать охотникамъ. Скоро въ лѣсу загремѣла сильная ружейная перестрѣлка, а черезъ полчаса драгуны возвратились, приведа съ собою 16 человѣкъ плѣнныхъ (*). Всѣ эти плѣнные показали согласно, что шайка (50 человѣкъ) составляла роту, принадлежавшую къ бандѣ Хмѣлинскаго, и такъ—какъ, кромѣ 16 плѣнныхъ, въ ней были убитые и раненые, то подполковникъ Загряжскій, прекративъ преслѣдованіе, направился въ Лаговъ, куда прибыли на ночлегъ колонны генерала Ченгера и майора Бѣитковскаго. Послѣдній, въ этотъ самый день, имѣлъ другую стычку подъ Макошиннымъ, гдѣ уничтожилъ также цѣлую роту Хмѣлинскаго.

Въ обомъ дѣлахъ потери съ нашей стороны не было.

Очистивъ Цысовскіе лѣса, генераль Ченгеръ двинулся на сѣверъ въ Свѣнтожыжскія горы, чтобы осмотрѣть ту мѣстность и войти въ сообщеніе съ полковникомъ Мацневымъ.

3-го декабря отрядъ ночевалъ въ Слупя—Новѣ. Арендаторъ мѣстечка, человѣкъ пожилой и преданный русскимъ (**); сообщилъ генералу, что за два дня передъ тѣмъ здѣсь были Боссагъ и Хмѣлинскій, что они ушли въ Пошэвницу, а Илжинскій лѣсъ заняла пѣшая банда, прибывшая, по слухамъ, подъ начальствомъ Ладо, изъ Мазовецкаго воеводства. Свѣдѣнія эти были сообщены подъ большимъ секретомъ, потому что въ то время, о которомъ мы говоримъ, осторожность была нелишнею даже въ кругу собственнаго своего семейства. Дочери арендатора были крайнія патріотки и не срывали слезъ, когда разговоръ принималъ направленіе, цорицавшее то или другое дѣйствіе мятежниковъ. Хмѣлинскаго однако—же здѣсь не лю-

(*) Рассказываютъ, что партія укрывалась на деревняхъ, и только тогда, когда однаъ упалъ подстрѣленный, какъ птица, остальные рѣшились слѣзть и вѣрнуться великодушнѣ побѣдителей.

(**) „Мое сочувствіе къ нимъ подѣ „*paciskiet*“, обыкновенно говаривалъ онъ, когда поляки начинали упрекать его за сношенія съ москалями.

били. «Это молчаливый, угрюмый и страшно сердитый господинъ»— говорили паненки:—«онъ знаетъ только возиться съ бумагами и съ топографическими картами».... Но Боссака очаровалъ всѣхъ утонченною вѣжливостію и свѣтскими разговорами. «Это царская кровь», говорили про него вздыхавшія паненки.

Напрасно было бы доказывать имъ все преимущество энергической природы Хмѣлинскаго передъ вялою и блѣдною личностію Боссака. Поэтому разговоръ, въ продолженіе цѣлаго вечера, не клеился и обѣ стороны, видимо недовольныя одна другою, поторопились разойтись подъ предлогомъ ранняго выступленія. Между тѣмъ, для розысканія полковника Мацнева и передачи ему нѣкоторыхъ приказаній, посланецъ былъ крестьянинъ, который, несмотря на темную ночь и сильную вьюгу, возвратился черезъ три часа съ отвѣтомъ, что Мацневъ стоитъ въ Любени, и что деревня Хуцыско и Витославицы также заняты русскими отрядами, подъ начальствомъ Бѣнтковскаго и Сухонина.

На основаніи этихъ данныхъ, генералъ Ченгери предложилъ полковнику Мацневу дѣйствовать противу Лады. Полковнику Сухонину предписано было, съ опатовскимъ отрядомъ, идти на Пошшевицу; майору Бѣнтковскому правѣ, между Опатовымъ и Иванискомъ, прикрывая дороги въ Цысовскіе и Щечинскіе лѣса; главной же колонѣ, составленной изъ войскъ кѣлецкаго гарнизона, двигаться черезъ Васневъ къ Островцу, чтобы лишить Хмѣлинскаго возможности соединиться съ Ладомъ.

Въ Васневѣ генералъ Ченгери узналъ, однако, что Хмѣлинскій вышелъ уже изъ Пошшевицы къ Кунову, и потому приказалъ подполковнику Загряжскому, съ тремя взводами драгуновъ и ротой пѣхоты, спѣшить къ этому городу. Вслѣдъ за отправленіемъ его, когда колона отошла версты три или четыре, получено было новое извѣстіе, что слухъ о появленіи Хмѣлинскаго въ Куновѣ ложенъ, и что вся кавалерія его прибыла въ Громодзицы.

Пока казаки скакали, чтобы вернуть Загряжскаго, пѣхота, свернувъ къ Громодзицамъ, начала наступленіе. Впереди шла кавалерійская цѣпь (*).

Матезники, двинувшіеся впередъ, потѣснили нашихъ драгуновъ; но въ это время изъ-за горы стала показываться пѣхота. 1-я стрѣльцовая рота Колыванскаго полка и 5-я Смоленскаго тотчасъ разсыпали цѣпь. Дальнѣйшее наступленіе ихъ остановилъ однако кру-

(*) Это былъ взводъ лейбъ-эскадрона съ нѣсколькими казаками, подъ командою поручика Языкова.

той оврагъ, по дну котораго раскидывалось огромное село Громодзицы. Мы видѣли, какъ непріятельская цѣпь, спустившись внизъ, рысью догоняла два эскадрона, медленно тянувшіеся въ гору, и вынуждены были стоять, потому что дорога, спускавшаяся въ оврагъ и покрытая льдомъ, представляла для артиллеріи почти неодолимое препятствіе. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ спустить орудія по дорогѣ, пришлось направить ихъ напрямикъ по вспаханному полю. Сперва все шло благополучно, но вдругъ мы очутились на склонѣ въ 45 градусовъ и тутъ замѣтили только, что деревни осталась влѣво, а мы спускаемся въ фольваркъ, окруженный огромными садами. Къ счастью, весь этотъ склонъ оказался устланнымъ соломой, которая, до известной степени, облегчила спускъ (*), хотя орудія все-таки спускали посредствомъ канатовъ.

Переправа эта, несмотря на общее усердіе, заняла такъ много времени, что когда колыванцы и 5-я смоленская рота перебралась черезъ оврагъ, то непріятельская конница выдвинулась уже на бедзеховскую дорогу и продолжала отступать шагомъ. Вправо отъ насъ, по высотамъ, также маячили какіе-то всадники. Медленное движеніе массы непріятельской конницы и отсутствіе при ней пѣхоты дали поводъ предположить, что Хмѣлинскій оставилъ большую часть своихъ силъ въ засадѣ, и что засада скорѣе всего могла направиться противъ артиллеріи, остававшейся еще въ Громодзицахъ съ небольшимъ пѣхотнымъ прикрытіемъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что мы могли узнать о нападеніи только спустя довольно продолжительное время, такъ какъ выстрѣлы изъ орудій, стоявшихъ за гѣсомъ, намъ не были-бы слышны. Вслѣдствіе соображенія, пресѣдованіе было опять приостановлено и въ Громодзицы посланъ одинъ изъ офицеровъ узнать о причинѣ медленности артиллеріи. Къ общему удовольствію, посланный привезъ отвѣтъ, что орудія поднимаются въ гору и остановились только пропустить драгуновъ, съ трудомъ пробравшихся по узкому ущелію, заставленному обозомъ, пушками и зарядными ящиками. Въ тоже время, другой офицеръ, ходившій въ развѣздѣ, доложилъ, что всадники, видѣнные нами вправо, были казаки Опатовскаго отряда. Напуганные известнымъ опатовскимъ дѣломъ, эти казаки приняли наши войска за непріятельскія и держались такъ осторожно, что не допускали къ себѣ развѣзда ближе

(*) Это было сдѣлано по приказанію Хмѣлинскаго, чтобы облегчить спускъ кавалеріи. Помѣщикъ, нехотѣвшій дать соломѣ, былъ арестованъ, и только быстрое появленіе нашего отряда спасло его отъ смерти или, по крайней мѣрѣ, отъ тяжкаго наказанія.

тѣмъ на два ружейныхъ выстрѣла, пока не убѣдились, что передъ ними находятся односумы, а не переодѣтые повстанцы.

Между тѣмъ, подошелъ Загряжскій съ своими драгунами. Онъ только даль вдохнуть лошадямъ и тотчасъ двинулся впередъ, по направленію къ Бодзехову. Слѣдомъ за нимъ тронулась и нѣкота.

Деревня Бодзеховъ лежитъ въ глубокой долиніи и съ той стороны, откуда подходили драгуны, закрыта цѣнью высокихъ холмовъ (*), такъ что издали видѣнъ былъ только помѣщичій дождь, возлѣ котораго бѣгали и суетились съ десятокъ пѣшихъ повстанцевъ. Загряжскій, опасаясь засады, приостановилъ эскадронъ, чтобы высмотрѣть мѣстность, какъ вдругъ кто-то крикнулъ, что наѣздники, скрытые отъ насъ бугромъ, вскочили въ деревню и рубятъ повстанцевъ.

Раздумывать было некогда. Эскадронъ, выхвативъ шашки, съ крикомъ ура! ринулся по улицамъ Бодзехова, гдѣ обломки никъ, сабли, штуцера, а кое-гдѣ раненые люди и лошади указывали путь, по которому отступали повстанцы. Наконецъ, за деревнею, мы увидѣли всю массу непріятельской кавалеріи и, не давая ей опомниться отъ изумленія, стремительно понеслись въ атаку. Едва передніе драгуны врубались въ толпу, какъ вся она поసుнулась и, по вѣзачьему выраженію, «зашумѣла назадъ—чей конь сильнѣе!» Драгуны съ разу настѣли на непріятеля... Самая жаркая схватка произошла при переправѣ черезъ рѣчку, куда мятежники, вмѣстѣ съ драгунами, бросились прямо съ крутаго берега. Здѣсь ожесточеніе рукопашнаго боя дошло до того, что пущены были въ ходъ не только сабли, но и ружья, приклады, даже кулаки. Нѣсколько повстанцевъ, сорванныхъ съ сѣделъ, буквально были утоплены въ рѣчкѣ. Съ нашей стороны одинъ драгунъ прострѣленъ былъ пулею; другой раненъ саблею. Какой-то отчаянный повстанецъ, кинувшійся на старшаго вахмистра, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и, промахнувшись, крикнулъ: «Бейте! — Это Грузинскій, вахмистръ перваго эскадрона!» Драгуны утомляли молодца.

Наконецъ, мятежники, не выдержавъ, стали поодиночкѣ и по нѣскольку человекъ вмѣстѣ заворачивать къ лѣсу. Драгуны опять понеслись за ними и, несмотря на овраги, крутые подъемы и спуски, врубались въ ряды непріятеля. Бой продолжался уже на карьерѣ. Въ это-то время, подъ однимъ изъ повстанцевъ, одѣтымъ въ сѣрую чамарку съ толстыми плечевыми шгутами, въ родѣ докторскихъ,

(*) Эти холмы содержатъ въ себѣ значительное количество жѣлѣзной руды, добываемой для бодзеховскихъ заводовъ.

упала лошадь. Онъ бросился въ кусты, рассчитывая, что въ суматохѣ его не замѣтятъ; но двое драгунъ, видѣвшіе это, пустились въ погоню. Къ нимъ скоро присоединился и третій, а между тѣмъ подполковникъ Загряжскій, угадывая, по нѣкоторымъ признакамъ, что это одинъ изъ главныхъ начальниковъ шайки, приказалъ поручику Ходоровскому взять нѣсколькихъ людей и ѣхать по тому направлению, куда пробѣжалъ повстанецъ.

Едва Ходоровскій углубился въ лѣсъ, какъ увидѣлъ драгуновъ, которые возвращались, вѣдя съ собою связаннаго плѣнника. Это былъ человекъ небольшого роста, худой, блѣдный, со впалыми щеками и съ рыжеватой жиденькою бородкой. Сюртука и шапки на немъ не было.

— Ваше благородіе! Самого Хмѣлинскаго, генерала ихнаго, ведите! — издали еще кричали драгуны.

Ходоровскій имъ не повѣрилъ; но въ это время плѣнникъ самъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Господишь офицеръ, прикажите развязать мнѣ руки. Эта мѣра предосторожности кажется мнѣ лишнею: я не могу убѣжать, а между тѣмъ такое обращеніе съ плѣннымъ, и притомъ раненымъ, не совсемъ добросовѣстно.

— Но прежде всего, кто вы такой? спросилъ Ходоровскій.

— Хмѣлинскій! отвѣчалъ незнакомецъ съ достоинствомъ.

Ходоровскій тотчасъ приказалъ развязать ему руки. Между тѣмъ, подѣхалъ юнкеръ Шевалинскій съ нѣсколькими драгунами и казаками. Всѣ остановились, слѣзли съ лошадей и помогли Хмѣлинскому наскоро перевязать раны. Затѣмъ достали гдѣ-то подводку и, посадивъ его, подъ сильнымъ конвоемъ повезли къ отряду. Драгуны не хотѣвшіе отдать плѣннику снятаго платья, прикрыли его какою-то польскою буркою.

Вотъ что мы узнали впоследствии о взятіи въ плѣнъ Хмѣлинскаго.

Когда подъ нимъ упала лошадь, два драгуна, по имени Ноздрачевъ и Науменковъ, пустились его преслѣдовать; но такъ какъ скакали они по двумъ различнымъ тропинкамъ, то Хмѣлинскій, видѣвшій сперва только одного, сосредоточилъ на немъ вниманіе и не замѣтилъ, какъ другой, бросившій въ лѣсу свою лошадь, ползкомъ подобрался къ нему сзади. Только въ эту минуту Хмѣлинскій, слышавъ шорохъ, быстро обернулся назадъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ изъ револьвера. Къ счастью, пистолетъ осыпся. Тогда Науменковъ схватилъ его за руки, а Ноздрачевъ нанесъ два удара шашкою

въ руку и въ голову. Въ это самое время подъѣхалъ третій драгунъ, рядовой Колесниченко (*).

Облитый кровію, Хмѣлинскій бросилъ револьверъ и крикнулъ: «не рубите: я полковникъ Хмѣлинскій».

Драгуны остановились. Хмѣлинскій самъ отдалъ имъ саблю, револьверъ, часы и деньги (**); но тѣ сняли съ него еще чамарку и конфедератку, а затѣмъ, безъ церемоніи, связали ему руки, говоря, «что такъ будетъ надежнѣе».

Вѣсть о взятіи Хмѣлинскаго, съ которыми смоленцы и новоросійцы дрались безъ промежутковъ четыре мѣсяца, какъ электрическая искра пробѣжала по цѣлому отряду. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали подтвержденія важной новости. Наконецъ пріѣхалъ казакъ, и генераль, обратившись къ стоявшему въ ружьѣ отряду, крикнулъ:— «Поздравляю васъ! молодцы—драгуны взяли Хмѣлинскаго!» Въ отвѣтъ загремѣло «ура!», полетѣли вверхъ шапки, и кто-то, въ азартѣ, прокричалъ даже: «братцы! шабашъ повстанію»!...

Въ это самое время по дорогѣ показалась снакавшая повозка, окруженная по сторонамъ драгунами и казаками. Генераль, заинтересованный плѣнникомъ, самъ поѣхалъ навстрѣчу и взялъ съ собою большую свиту.

— Jak sie pan panywasz? спросилъ онъ, остановившись возлѣ повозки.

— Прежде позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?— отвѣчалъ на это Хмѣлинскій.

— Я генераль Ченгери.

Тогда Хмѣлинскій назвалъ себя, и на вопросъ: гдѣ ваша пѣхота? отвѣтилъ, что въ дѣлѣ участвовали только четыреста человекъ конницы, что пѣхоты при ней не было и онъ даже не можетъ указать, гдѣ она теперъ находится.

Пока генераль говорилъ съ Хмѣлинскимъ, а смоленцы, окружившіе драгуновъ, чуть-ли не въ сотый разъ заставляли ихъ пересказывать себѣ подробности случая, кто-то сказалъ, что изъ мѣсу пріѣхалъ мужикъ, съ извѣстіемъ, что повстанцы гонятъ назадъ и рубятъ драгуновъ. Опасаясь, что эскадронъ, разстроенный преслѣдованіемъ, наткнулся на свѣжую шайку, которая могла нанести ему чувствительныя потери, генераль тотчасъ приказалъ всей находившейся подъ рукою кавалеріи скакать впередъ, а слѣдомъ за нею

(*) Рядовой Новобрачевъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена 3-й, а Науменковъ 4-й степени.

(**) Деньги, около тысячи рублей, розданы были, съ разрѣшенія генерала Ченгери, нижнимъ чинамъ лейбъ-эскадрона.

двинулъ и часть своей пѣхоты; но тревога ожалась фальшивою: мужикъ видѣлъ только, какъ нѣсколько повстанцевъ, спрятавшихся въ корчмѣ, подкараулили отсталого драгуна и, напавъ на него, жестоко изрубил саблями (*).

Уже стемнѣло, когда драгуны, окончивъ бой, возвратились къ отряду, стоявшему на большой дорогѣ, возлѣ бодзеховской корчмы, верстахъ въ трехъ или въ четырехъ отъ деревни того же названія. Лихіе драгуны привели съ собою 82 лошади и были встрѣчены во-сторженными криками цѣлаго отряда, собравшагося приветствовать ихъ, какъ главныхъ виновниковъ истинно-молодецкаго дѣла.

Дѣло 4-го декабря было весьма удачно. Шайку Хмѣлинскаго можно было считать несуществующею, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, раненый, находился въ плѣну. Повстанцы потеряли не менѣе девяти челоуѣкъ убитыми и ранеными. Драгуны, кромѣ 82 лошадей, привезли множество отбитаго оружія, сбруи и сѣделъ. Жители, проѣзжавшіе по лѣсу, рассказывали потомъ, что, на прѣтѣженіи болѣе пятнадцати верстъ, повсюду валялись изрубленные тѣла повстанцевъ. Тѣ же, которые остались въ живыхъ, спѣшили уйти за границу, такъ что видѣвшіе Боссака на другой день говорили, что при немъ находилось не болѣе сорока всадниковъ.

Ночью отрядъ возвратился въ Бодзеховъ. Раненые повстанцы были перевязаны, и, за исключеніемъ Хмѣлинскаго, переданы гминному войту для отправленія ихъ въ Островецъ, гдѣ находился лазаретъ, устроенный жителями, или, лучше сказать, самимъ народнымъ жондомъ (**). Хмѣлинскаго же помѣстили въ отдѣльномъ домикѣ, возлѣ котораго всю ночь толпились солдаты, стараясь взглянуть на плѣнника, неволью возбуждавшаго къ себѣ известную долю участія. Мы, офицеры, расположились въ господскомъ домѣ. Къ сожалѣнію, позднее время и разнообразныя ощущенія, пережитыя во время дѣя, помѣшали намъ осмотрѣть Бодзеховъ, который заслуживаетъ описанія, какъ одно изъ самыхъ живописныхъ и богатыхъ польскихъ имѣній.

Бодзеховъ, иѣкогда составлявшій собственность королевской фамиліи, въ описываемое время, принадлежалъ братьямъ Катковскимъ, представлявшимъ въ своемъ семействѣ замѣчательный образецъ патриархальныхъ отношеній. Всѣ четыре брата, достигшіе почтеннаго

(*) Кромѣ его, въ эскадронѣ двое нижнихъ чиновъ ранены и вышло изъ строя 16 лошадей

(**) Подобныя лазареты были учреждены жондомъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ. Наши административныя власти, по челоуѣколюбію, смотря на это сквозь пальцы и не препятствовали лечитъ въ нихъ больныхъ и раненыхъ повстанцевъ, хотя контролировать такіе лазареты не было никакой возможности.

возраста (младшій имѣлъ около 50-ти лѣтъ), были женаты и жили съ своими семьями въ отдѣльныхъ флигеляхъ, сгруппированныхъ около главнаго зданія, построеннаго, какъ намъ говорили, еще «за круля Яна-Казимиржа». — Старшій братъ былъ патриархомъ цѣлой фамилии и управлялъ имѣніемъ, которое, благодаря отличному хлѣбопашеству, плавильнымъ заводамъ, обилію желѣзной руды, мельницамъ, фабрикамъ и тому подобнымъ угодьямъ, приносило значительные доходы. Каждый изъ остальныхъ братьевъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи отдѣльную отрасль хозяйства, изученную имъ специально, и вносилъ доходы въ общую кассу, а касса не могла расходоваться иначе, какъ съ разрѣшенія старшаго брата, выдававшего на нее асигновки. Ежедневно всѣ члены этой фамилии, не исключая дѣтей съ ихъ няньками, гувернантками и учителями, сходились по колокольчику въ главное зданіе, гдѣ, вмѣстѣ за общимъ семейнымъ столомъ, пили чай, завтракали, обѣдали и ужинали.

Такъ протекала бы долго мирная жизнь почтеннаго семейства, если бы 4-го декабря не нарушило ее бодзеховское дѣло. Еще съ утра выстрѣлы, слышимые со стороны Громодзицы, внушали опасеніе, что поляки пойдутъ на Бодзеховъ. Дѣйствительно, около полудня, вся масса непріятельской кавалеріи, тѣсняемая драгунами, рысью прошла черезъ фольваркъ и скоро шумъ рукопашной схватки, начавшейся въ концѣ деревни, какъ рокотъ отдаленной бури, поразилъ смятеніемъ и ужасомъ мирныхъ обитателей, ждавшихъ грабежей и пожаровъ. Къ счастью, бой продолжался недолго. Голоса сражавшихся стали удаляться, а фольваркъ заняла русская пѣхота, которая, дождавшись здѣсь артилеріи, также выступила вслѣдъ за своею кавалеріею. Когда мы вернулись назадъ, помѣщики, несмотря на позднее время, встрѣтили насъ радушнымъ предложеніемъ раздѣлить съ ними ужинъ, но мы, проведя цѣлый холодный декабрскій день на конѣ, прежде всего нуждались въ отдыхѣ.

Около часу насъ разбудилъ курьеръ, пріѣхавшій отъ полковника Мацнева съ донесеніемъ, что банда Лады, встрѣченная имъ между Бродами и Илжею, разбита на-голову, и что отрядъ, сосредоточившійся въ Кунокѣ, ожидаетъ дальнѣйшихъ распоряженій генерала Ченгера.

Мацневъ доносилъ, между прочимъ, что, выступивъ изъ Конске тремя колонами, онъ, на пути къ Сухидневу, захватилъ партію, только что разбившую кѣлецкую почту, и узналъ отъ плѣнныхъ, что главная инициатива подобныхъ нападеній исходитъ отъ старшихъ чиновниковъ сухидневскаго горнаго округа. Было бы весьма инте-

ресно разслѣдовать это пообстоятельнѣе, но не доставало времени, такъ какъ въ отрядѣ имѣлись положительныя свѣдѣнія, что неподалеку около Бродъ стоитъ значительная банда, извѣстная подъ именемъ «*варшавскихъ дѣтей*», предводимыхъ Грелинскимъ.

Впослѣдствіи оказалось, что это была именно та самая шайка, о которой изъ Слупя—Нова писалъ генералъ Ченгери, называя ее бандою Лады. Отсюда возникло предположеніе, что Ладо и Грелинскій были одно и то же лицо, но кажется это невѣрно; со смертію же Лады исчезла возможность добиться, кто именно скрывался подъ этимъ псевдонимомъ. Достоверно только извѣстно было, что шайка явилась изъ мазовецкаго воеводства и заняла мѣста, наименѣе наблюдаемыя нашими войсками. Нельзя не сказать, что, съ самаго начала возстанія, всѣ главныя банды преимущественно формировались около желѣзныхъ заводовъ, мѣстоположеніе которыхъ, среди обширныхъ лѣсовъ, представляло къ тому всѣ способы, особенно если прибавить сочувствіе горныхъ чиновниковъ и возможность для самихъ повстанцевъ укрываться отъ русскихъ подъ видомъ заводскихъ рабочихъ. Въ одно время, послѣ апрѣльскихъ дѣлъ и смерти Блевцова, погибшаго въ бою подъ Островцемъ, на эту мѣстность обращено было самое строгое вниманіе, но потомъ мало-по-малу бдительность стала ослабѣвать и горные заводы сдѣлались опять приютами скитающихся шаекъ.

Появленіе мазовецкой банды въ краковскомъ воеводствѣ, посреди незнакомой мѣстности и чуждаго ей населенія, не было простою случайностью. Напротивъ, это было сдѣлано по предложенію юнкера Лучевскаго (*), думавшаго уменьшить черезъ это побѣги, заставивъ повстанцевъ служить вдаль отъ ихъ родныхъ деревень, которыя, какъ магнитъ, тянули къ себѣ молодыхъ новобранцевъ. Съ тою же цѣлью банда была составлена изъ людей, набранныхъ въ Варшавѣ, въ Сѣдльцкомъ округѣ, въ южной части Августовской и въ сѣверной Люблинской губерній. Само собою разумѣется, что, при такомъ составѣ, она представляла не слишкомъ большія ручательства за свои боевыя качества; при первомъ же извѣстии о приближеніи русскихъ, шайка предалась безпорядочному отступленію. Къ счастью, колона, направленная изъ Шидловца по сѣверной части Илжинскаго лѣса, не допустила ее уклониться отъ боя и отбросила прямо на колоны Мацнева.

Кровопрлитный бой продолжался нѣсколько часовъ въ лѣсахъ между Бродами, Любенью, Буновымъ и Илжею. Ладо былъ убитъ.

(*) Лучевскій служилъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку и бѣжалъ изъ Казедъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Солдаты, по свидѣтельству Мацнева, не хотѣли брать плѣнныхъ, и потому цифра убитыхъ мятежниковъ дошла до двухсотъ человекъ. Только подъ конецъ, когда явилась возможность водворить порядокъ въ войскахъ, сражавшихся въ закрытой мѣстности, 68 инсургентовъ взяты были въ плѣнъ, да подобрано нѣсколько раненыхъ, отданныхъ на попеченіе жителямъ. Въ лѣсу сожжено было три лагера, отбито множество оружія, обозъ, провізія и боевые припасы. Съ нашей стороны два солдата были убиты и трое ранены.

Несмотря на позднюю ночь, извѣстіе это мигомъ разнеслось по отряду и подняло еще болѣе духъ и энергію солдатъ. Вооруженное возстаніе видимо переживало свой послѣдній фазисъ. Послѣ тѣхъ пораженій, какія испытали мятежники 4-го декабря, войскамъ оставалось только пройти на сѣверъ и западъ, черезъ Илженскіе, въ Вонхоцкіе и Сухидневскіе лѣса, что бы спокойствіе само собою водворилось во всей этой мѣстности. Но прежде отрядъ нашъ изъ Бодзехова двинулся въ Куновъ, гдѣ генераль Ченгери хотѣлъ лично привѣтствовать тобольцевъ, въ рядахъ которыхъ были еще герои Четати и Севастополя. Полкъ, въ составѣ 11 ротъ, подъ командою полковника Мацнева, выстроился за городомъ и, несмотря на то, что нѣкоторыя роты въ два съ половиною дня сдѣлали болѣе ста верстъ и наканунѣ еще выдержали упорное дѣло, представился въ такомъ отличномъ видѣ, что мы по истинѣ не могли налюбоваться молодецкимъ видомъ героевъ.

Поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ полковникамъ Мацневу, Сухонину и майору Бѣдтковскому, въ помощь къ которымъ назначены были еще летучіе отряды изъ Сташева, Сандомира и Завихвостья, генераль Ченгери самъ двинулся въ Радомъ. Поиски, произведенные имъ по дорогѣ, были безуспѣшны, и только разъ, возлѣ корчмы Илжани, получились свѣдѣнія, что неподалеку скрывается какая-то банда. Нѣсколько ротъ, эскадронъ и казаки тотчасъ двинулись по разнымъ направленіямъ и захватили нѣсколько человекъ, скрывавшихся въ избушкѣ посреди густаго лѣса.

Подъемъ и выступленіе этихъ войскъ, стоявшихъ спокойно на привалѣ, произведены были съ такою быстротою, что привели въ восторгъ даже Хмѣлинскаго. «Если-бы я командовалъ такими молодцами», сказалъ онъ одному изъ офицеровъ, «мнѣ ничего не стоило бы очистить Польшу въ одинъ или въ два мѣсяца» (!). Съ особенною похвалою отзывался онъ о дѣйствіяхъ вѣлечныхъ москалей, въ упорныхъ битвахъ съ которыми видѣлъ лучшую школу для своихъ повстанцевъ.

Воспользовавшись одушевленіемъ Хмѣлинскаго, мы навели разговоръ на возстаніе, и не безъ удовольствія выслушали нѣсколько рассказовъ и сужденій его объ этомъ памятномъ для насъ времени.

Хмѣлинскій кончилъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ и во время крымской войны выпущенъ былъ въ артилерію; слѣдовательно, въ то время, о которомъ мы говоримъ, ему было не болѣе 29 или 30 лѣтъ. Начало польскихъ демонстрацій застало его поручикомъ въ батареинной № 1-го батареѣ 4-й артилерійской бригады, которая квартировала въ Царствѣ Польскомъ. Это—то обстоятельство дало возможность Хмѣлинскому войти въ тѣсныя сношенія съ заговорщиками, между которыми находился родной его братъ, Игнацій Хмѣлинскій, или Хмѣленскій, какъ называли его поляки, бывший впоследствии революціоннымъ начальникомъ Варшавы. Неудачныя покушенія на жизнь сперва генерала Лидерса, а потомъ великаго князя, скомпрометировавшія многихъ, заставили и Хмѣлинскаго бѣжать за границу. Его судили заочно и приговорили, въ случаѣ добровольнаго возвращенія, къ ссылке въ каторжную работу на десять лѣтъ; но впоследствии, когда онъ сталъ въ главѣ вооруженныхъ шаекъ, приговоръ былъ измѣненъ, и Хмѣлинскій долженъ былъ окончить свою жизнь на висѣльцѣ.

Замѣчательнъ пророческій сонъ, который Хмѣлинскій видѣлъ накануне роковаго бодзеховскаго дѣла, и который сбылся надъ нимъ со всѣми мельчайшими подробностями.

Утомленный дневными заботами, Хмѣлинскій, какъ рассказывалъ самъ, легъ въ эту ночь отдохнуть ранѣе обыкновеннаго и видѣлъ во снѣ дремучій лѣсъ, посреди котораго драгуны напали на него, ранили и взяли въ плѣнъ. Впечатлѣніе сна было такъ живо, что Хмѣлинскій, вскочивъ съ постели, почувствовалъ въ головѣ сильную боль и въ первыя минуты не могъ отдать себѣ отчета: сонъ это или дѣйствительность. Поутру, рассказывая Боссаку, онъ замѣтилъ, что если сны и бываютъ пророческіе, то этотъ не можетъ сбыться, потому что онъ, Хмѣлинскій, не отдастся живой въ руки непріятеля.

Около девяти часовъ утра, когда повстанцы готовились къ раннему обѣду, съ аванпостовъ прислали сказать, что сильный отрядъ пѣхоты съ артилеріей подходитъ къ Громодзицамъ. Повстанцы тотчасъ сѣли на коней и, пользуясь глубокимъ оврагомъ, думали уйти; но Боссаку пришла несчастная мысль завязать перестрѣлку. Напрасно Хмѣлинскій, хорошо предвидѣвшій катастрофу, настаивалъ на отступленіе. Боссакъ отвѣчалъ, что, при отрядѣ, нѣтъ кавалеріи и, слѣ-

довательно, опасаться имъ нечего. Между довудцами произошла разладъ, а тѣмъ временемъ показалась пѣхота и повстанцамъ пришлось отступать уже на глазахъ непріятеля. Къ довершенію всего, волнообразная мѣстность, скрывавшая движеніе русскихъ, помѣшала имъ своевременно увидѣть приближеніе эскадрона, и потому—то внезапный крикъ: «что масса драгоновъ настигла ихъ въ улицахъ Бодзехова» произвелъ невообразимое смятеніе. Все бросилось съ копыта, не слушая болѣе голоса офицеровъ. Боссакъ куда—то исчезъ. Хмѣлинскій остался одинъ съ горстію всадниковъ, но и тѣ скоро разсѣялись. «Я оставался у моста послѣднимъ», рассказывалъ Хмѣлинскій нашимъ офицерамъ; «на меня скакали драгуны; я выстрѣлилъ изъ револьвера и только что повернулъ коня, какъ впереди меня упалъ адъютантъ: лошадь моя споткнулась на него и повалилась на землю (*)....»

Кто—то спросилъ Хмѣлинскаго, чѣмъ можно объяснить насилія, которыя онъ позволялъ себѣ въ отношеніи крестьянъ и помѣщиковъ.

— Полнымъ равнодушіемъ ихъ къ нашему дѣлу, спокойно отвѣчалъ Хмѣлинскій.— Впрочемъ, во время моего командованія, я повѣсилъ всего 16 человекъ. Лангевичъ и Чаховскій повѣсили больше, хотя имъ дѣйствовать было гораздо легче, нежели мнѣ, потому что жители въ первое время добровольно давали то, что мнѣ приходилось добывать уже силою.

О Боссакѣ Хмѣлинскій отзывался съ большимъ презрѣніемъ. «Это, говорилъ онъ, человекъ бездарный, неспособный командовать даже двумя солдатами. Если при немъ не будетъ дѣльнаго начальника штаба, Боссакъ пропадетъ, потому что апатія и малодушіе его способны убить какое угодно войско. Своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ исключительно родственнымъ связямъ; но связей еще недостаточно, чтобы руководить возстаніемъ. Впрочемъ, наше несчастіе—добавилъ Хмѣлинскій—заключалось именно въ томъ, что въ головѣ правительства все время стояли люди или ничтожные, или непрактичные, которые на матеріальную часть не обращали никакого вниманія. Довольно сказать, что каждое ружье, покупаемое у австрійцевъ и по нѣсколькxу разъ конфискуемое ими—же изъ корыстныхъ цѣлей, обходилось отъ ста до ста двадцати рублей. Можете судить, какіе затрачивались капиталы для того, что—бы снабдить насъ негодными ружьями или дубельтовками.»

Въ такихъ разговорахъ проходили цѣлые дни, и мы не замѣ-

(*) Лошадь эта, какъ говорятъ, отличалась необыкновенною быстротою, такъ что драгуны, гнавшіеся за нею, не могли и близко подсажать къ ней. Она не-задолго куплена была за-границею.

тели, какъ дошли до Радома. Хмѣлинскій тотчасъ переданъ былъ съ рукъ на руки радомскому военному начальнику, а драгоценная сабля его, подарокъ жонда, отъ лица отряда поднесена была генераль-лейтенанту Ушакову (*).

Сабля эта, какъ историческій памятникъ лучшихъ дней, пережитыхъ Польшею, заслуживаетъ того, чтобы быть подробно описанною. Она принадлежала польскому королю Владиславу Варненчику, погибшему въ XV вѣкѣ подъ стѣнами Варны, и въ теченіе четырехъ столѣтій сохранялась въ краковскомъ музеумѣ, у котораго народо-вый жондъ купилъ ее, какъ говорили, за 14,000 злотыхъ.

☞ На дамасскомъ клинкѣ старинной превосходной работы, подъ ефесомъ, находились; съ одной стороны, инкрустированное серебромъ по стали изображеніе Ченстоховской Божіей Матери, окруженное надписью: «подъ твою милость прибѣгаемъ»; а съ другой, инкрустированный такимъ-же способомъ портретъ Владислава Варненчика, сдѣланный, впрочемъ, довольно грубо. Ефесъ сабли былъ золотой, на манеръ обыкновеннаго легко-кавалерійскаго, а гайки, охватывающія металлическіе ножпы, представляли четыре овалныя медальона, въ которые вставлены были, съ одной стороны ноженъ, изображенія національныхъ гербовъ Литвы и Польши, а съ другой, фотографическіе портреты двухъ современныхъ Хмѣлинскому доводцевъ: Подлевскаго и Сѣраковскаго (**).

Хмѣлинскій, какъ воевода краковскій, былъ удивленъ, что судъ надъ нимъ назначенъ былъ не въ Кѣльцахъ, а въ Радомѣ. Впрочемъ, онъ скоро помирился со своимъ положеніемъ и откровенно высказалъ свой взглядъ на польское дѣло. По его словамъ, онъ никогда не надѣялся, чтобы поляки собственными силами могли достигъ какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ и думалъ употребить всѣ средства, чтобы продлить возстаніе до весны, когда ему обѣщали заграничную помощь. Судъ надъ нимъ продолжался недолго: 11-го декабря онъ былъ разстрѣлянъ въ Радомѣ, при многочисленномъ стеченіи народа (***)).

(*) Вслѣдствіи генералъ Ушаковъ подарилъ эту саблю поручику Ассіеву.

(**) Подлевскій и Сѣраковскій, подобно Хмѣлинскому, были русскими офицерами. Первый служилъ поручикомъ въ гвардейской конной артиллеріи и разстрѣлянъ въ Плоцкѣ, послѣ неудачнаго нападенія на Сокачевъ, въ январѣ 1863 года; второй былъ капитаномъ генеральнаго штаба, а потомъ, подъ псевдонимомъ Доленги, именовался воеводою литовскимъ и ковенскимъ. Онъ вѣдь былъ въ планѣ генералъ-майоромъ Ганецкимъ и повѣшенъ въ Вильнѣ.

(***) Хотя въ Радомѣ имѣлось въ виду первоначальная конекрмация казнить Хмѣлинскаго черезъ повѣшеніе, но военный судъ нашелъ возможнымъ облегчить его участь. Исполненіемъ конекрмации торопылась еще потому, что въ послѣднее

Вмѣстѣ съ нимъ разстрѣлянъ былъ юнкеръ Лущевскій, извѣстный въ бандѣхъ подъ именемъ маіора Луца (*). Онъ былъ схваченъ казаками, гдѣ-то на дорогѣ, послѣ разбитія Лады, и судился въ Радомѣ какъ простой дезертеръ.

Во время пребыванія Ченгера въ Радомѣ, получены были извѣстія отъ маіора Бѣнтковскаго, который, послѣ разбитія Хмѣлинскаго, двинулся къ Опатову въ направленіи къ Кѣльцамъ, чтобы осмотрѣть дороги между Першхницею и Лаговымъ. Бѣнтковскій уничтожилъ по пути небольшую шайку, но вслѣдъ затѣмъ и самъ подвергся нападеніямъ: разъ въ Галендровскомъ лѣсу, а другой около Уйны, гдѣ мятежники устроили засаду. Обѣ эти стычки заключались въ томъ, что инсургенты встрѣчали наши войска неожиданнымъ залпомъ и затѣмъ спасались бѣгствомъ въ—разсыпную. Преслѣдовать ихъ въ темную ночь было невозможно, и только разъ казаки, бросившіеся прямо на выстрѣлы, пятерыхъ изрубили, да четырехъ взяли въ плѣнъ. Отъ этихъ—то плѣнныхъ узнали, что шайки находятся подъ начальствомъ австрійскаго офицера Розенбаха.

Въ то же самое время летучіе отряды произвели поиски на всемъ пространствѣ между Опатовымъ, Хмѣльникомъ, Сташевымъ и Сандомиромъ; но ловить мятежниковъ, бѣжавшихъ при появленіи даже казачьихъ разъѣздовъ, было весьма затруднительно. Напрасно сандомирскій отрядъ (**), на протяженіи 23 верстъ, между Потоками и Пентковицами, гнался за конною шайкою, при которой, какъ полагали, находился Боссакъ: шайка разсѣялась и, поодиночкѣ, безъ лошадей и оружія, перебралась черезъ границу.

Для окончательнаго же очищенія средней части губерніи отъ бандъ, шатавшихся еще въ лѣсахъ, послѣ разбитія скопищъ Боссака, Хмѣлинскаго и Лады, 8-го декабря двинуты были, согласно общему, предварительно составленному плану, шесть отрядовъ изъ Илжи, Липска, Шидловца, Пшесухи и Радома. Всѣ эти отряды, выславъ отъ себя боковыя части, рассыпали почти всю пѣхоту въ цѣпь и, такимъ образомъ, прошли обширные лѣса, находящіеся къ сѣверу отъ гряды Свѣнтокжыжскихъ горъ; но такъ какъ инсургенты удалились опять въ лѣса Цысовскіе и Щечинскіе, то генераль Ченгери, отправивъ обратно пшесухскій и шидловскій отряды, предписалъ всѣмъ прочимъ колонамъ время равны Хмѣлинскаго, казавшіеся сперва неопасными, приняли дурной исходъ и угрожали гангреною.

(*) *Луцить* по польски значить избить кого-нибудь, что вовсе не соответствовало мягкому и кроткому характеру этого молодого человѣка, обладавшаго замѣчательною способностью составлять проекты, но необладавшаго даже необходимымъ запасомъ мужества и присутствія духа.

(**) Отрядъ состоялъ изъ 60 казаковъ и 20 объѣзчиковъ пограничной стражи, подъ командою штабсъ-капитана Лаврова.

перейти горы въ трехъ пунктахъ: у Кълецъ, Слупя-Нова и Свѣнтый Катаржины.

13-го числа колонны соединились въ Смыковѣ и шли по слѣдамъ мелкихъ шаекъ съ пустою перестрѣлкою. Результатомъ движенія было уничтоженіе двухъ лагерей и открытіе довольно значительной банды Розенбаха, бѣжавшей по направленію къ Стопницѣ. Отрядъ полковника Добровольскаго (начальника штаба радомскаго отдѣла), въ продолженіе двухъ дней гнался за нею; но мятежники уходили на подводахъ, такъ что, потерявъ наконецъ терпѣніе, Добровольскій бросилъ пѣхоту и продолжалъ преслѣдованіе съ однимъ дивизиономъ Екатеринославскаго полка. Дождь, мятель, гололедица и короткіе дни не позволили ему настичь банды, которая кружилась по нашимъ слѣдамъ и распускала слухъ, что сама гоняется за москалями.

Наконецъ, ненастная погода и наступившіе морозы заставили полковника Добровольскаго вернуться въ Къльцы (*). Въ то же время пришло извѣстіе, что и Розенбахъ распустилъ свою шайку, которая разсѣялась въ пространствѣ между Липпоу, Корытницею и Кіемъ.

Съ этихъ поръ возстаніе замѣтно падаетъ. Слышались еще имена Рембайлы, Богдана, Рудовскаго и Розенбаха; но они не внушали уже серьезнаго опасенія. Къ тому же разнесся слухъ, что, по примѣру Литвы, тѣ изъ помѣщичьихъ имѣній, въ которыя будутъ заходить повстанцы и оставаться по нѣскольку дней сряду, подвергнутся конфискаціи, и что густые лѣса будутъ разрѣжены проведеніемъ просѣкъ и устройствомъ широкихъ дорогъ. Безъ этихъ двухъ послѣднихъ мѣръ, возстаніе, дѣйствительно, не могло считаться окончательно подавленнымъ, такъ какъ инсургенты на каждомъ шагѣ встрѣчали для себя безопасныя убѣжища.

Потто.

(Окончаніе будетъ.)

(*) Холода стояли такіе сильные, что одного повстанца нашли въ лѣсу съ отмороженными ногами. Это былъ французъ Кайлье. Когда его подняли, то ноги его, укутанныя въ рогожу и мочалы, оказались пораженными автоновымъ огнемъ, отчего онъ скоро умеръ въ страшной агоніи. При немъ нашли паспортъ французскаго унтеръ-офицера и особое условіе, заключенное въ Парижѣ съ польскимъ революціоннымъ комитетомъ, по которому онъ за 1,200 франковъ обязался служить въ рядахъ народоваго войска. Половина этой суммы заплачена была ему передъ отправленіемъ, а другую онъ долженъ былъ получить по возвращеніи. Впослѣдствіи мы узнали, что Кайлье выѣхалъ изъ Парижа еще въ май мѣсяцъ. но въ Пруссіи его арестовали и отправили во Францію, откуда онъ снова бѣжалъ, но, снова арестованный въ дорогѣ, опять очутился на родинѣ. Наконецъ, уже въ третій разъ ему удалось добраться до Радомской губерніи и въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ зачисленъ въ банду Рембайлы.